

Андрей Ильич Фурсов

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИММАНЕНТНАЯ ФОРМА

РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФОРМАЦИОННЫХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИСТОКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Французский ежегодник 1987

М.: Наука. 1989. С.278-330

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Тематически связанные ссылки даны нами после статьи

I

Однажды Альбер Камю, соглашаясь с М. Шелером, сказал, что мятеж и революция как понятия имеют смысл лишь в рамках западной цивилизации (начиная с античности)¹. Ибо революция и революционный дух возможны лишь там, где, несмотря на неравенство, равенство провозглашено юридически, где оно, равно как и свобода, существует в качестве ценностей. Что же касается обществ, писал Камю, где неравенство не только велико, но где отсутствует свобода в качестве ценности (и реальности), — как пример писатель приводил индийское общество с его кастовой системой, — там революция невозможна. Там возможны борьба за власть, бунт, перемена местами «рабов» и «господ», но не революция.

В работах и дискуссиях о Великой французской революции — событии, в котором вне всякого сомнения заключаются корни современности, пишут и спорят о ее характере, причинах, следствиях, об альтернативных — но утраченных навеки — возможностях, о ее особенностях, которых уже насчитали много. Но при этом, на мой взгляд, упустили из виду и не задумываются над одной особенностью, быть может, главной: эта революция произошла в обществе, для которого характерно, что в нем возможны и происходят революции. Она произошла в обществе, находящемся в таком потоке исторического развития, для социального пространства и времени которого типичны революционные сдвиги как форма развития. Сам конкретный носитель этого специфического потока истории — субъект — революционен по своей сути.

По-видимому, об этом не задумывались потому, что эту особенность заслоняли величие и грандиозность революции как исторического явления и объекта исследования. Но то, что стоит за этим вопросом, еще более грандиозно и величественно. Это — историческая специфика европейского субъекта, реализующегося в качестве формации и цивилизации, это основы европейской субъектности — как формационности, так и цивилизационности. Не понимая их, мы не поймем многого и, наверное, главного во всех европейских революциях, включая французскую. Речь, стало быть, пойдет

¹ Camus A. L'homme révolté. P., 1950. P. 33—34.

о формационных и цивилизационных истоках и основах Великой французской революции. Но подойдем мы к этому вопросу через вопрос менее общий, через споры по одной из проблем французской революции в частности и революции вообще.

II

Одним из наиболее важных направлений в спорах о Великой французской революции, которые ведут западные, и прежде всего французские, историки и социологи в последние десятилетия, стал на первый взгляд, казалось бы, бесспорный в своей изученности и осмысленности вопрос — о классовой природе этой революции и сопутствующий ему комплекс вопросов общего порядка. Ограничусь двумя примерами, хотя их можно было бы привести больше. Французский историк Ф. Фюре подчеркивает несводимость французской революции к понятию «буржуазная революция», ставит под сомнение возможность определения ее как буржуазной в классовом смысле².

Известный американский социолог Т. Скокпол, занимаясь сравнительно-историческим анализом революций (Великой французской, Октябрьской в России и Синьхайской в Китае, а чуть позже — иранской 1979 г.³), не отрицает классового аспекта французской революции, но решающее значение отводит геополитическим факторам и тому, что она вслед за многими другими западными исследователями называет «крестьянская революция». Видный американский социолог Б. Мур рисовал более сложную картину французской революции: воспользовавшись движением радикально настроенного городского плебса, прежде всего санкюлотов, часть буржуазии совершала буржуазную революцию, однако крестьяне определяли, насколько далеко она может зайти⁴. Тем не менее и он отмечал не узкобуржуазный, а крестьянский и макро-социальный характер французской революции.

Историки-марксисты, как правило, подвергали подобные интерпретации Великой французской революции резкой критике, квалифицируя их как нарушение классового подхода, принципа классовой (подчас этот упрек сопровождался и политическими обвинениями). Нередко таким интерпретациям (по альтюссеровскому принципу: чтобы выпрямить палку, нужно перегнуть ее в другую сторону) марксисты противопоставляли столь упрощенный классовый подход, что его иначе как вульгарным (или вульгарно-марксистским) не назовешь. При этом они забывали: не кто иной, а К. Маркс писал, что класс, совершающий революцию, должен представить свой интерес — как положительный интерес обще-

² Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978.

³ Skocpol Th. States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; Eadem. Rentier state and Shi'a Islam in the Iranian revolution // Theory and society. 1982. Vol. 11, N 3. P. 265—283.

⁴ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth, 1977. P. 109—110.

ства в целом, свою эмансипацию — как общечеловеческую, свои притязания и права — как права и притязания самого общества, короче — стать всеобщим представителем⁵. Запомним эту мысль об антропологической по сути и межклассовой по функции характеристике революционной деятельности класса, совершающего революцию (позднее нам предстоит поразмышлять на эту тему), а пока отметим, что в наших исследованиях изучение революционных процессов — будь то Франция XVIII в. или Китай XX в. — сдерживалось и сдерживается явно недостаточной теоретико-методологической разработкой самой проблемы классов и шире — проблем укладно-формационной теории, включая такие темы, как государство, революция, идеология. Догматическому, вульгарно-марксистскому менталитету эти проблемы вообще казались раз и навсегда решенными, а формирование в советской науке своеобразной научной «конструктуры» догматизму в изучении базисных процессов концентрировалось в основном в сфере изучения процессов надстроечных, вплоть до признания критиками догматизма примата надстройки над базисом, культуры и политики — над экономикой в некапиталистических обществах. Однако тем самым они не только не приближались к адекватному теоретическому пониманию (здесь лишь менялись местами выводы), но и упрочивали — на уровне посылок — тот самый догматизм, против которого выступали. В результате все это часто оказывалось бунтом неодогматизма на коленях перед палеодогматизмом. Поэтому у нас крайне мало серьезных, отвечающих нынешним требованиям и задачам теоретических работ по таким, например, проблемам, как класс, классы и революция и т. д.⁶

Признаем как минимум, что эвристически представители некоторых направлений теоретической обществоведческой мысли на Западе обогнали нас в освоении таких тем, как «классы и революция», «государство и революция», — хотя бы потому, что ставят и активно обсуждают эти вопросы. Речь прежде всего идет о неомарксистах, в частности о спорах между сторонниками «структурного» (структурно-экономического — Т. Скокпол, Дж. Пейдж) и «субъектного» (субъектно-классового — Э. Томпсон, Дж. Скотт, отчасти Б. Мур) подходов к революции; о спорах между сторонниками макросоциального («миросистемного» — И. Валлерстайн) и конкретно-классового (Р. Бреннер) подходов к социальной реальности, а следовательно, и к классам⁷.

На одном полюсе этих дискуссий — Т. Скокпол, которая отвергает структурно-функциональные, психологические и многие марксистские⁸ теории революции, и работа которой представляет собой реакцию на «волютаристскую» традицию, т. е. на концепции, акцентирующие роль человеческого выбора и действия — как сознательного, так и бессознательного — в происхождении революций. Однако, отвергая «волютаризм», Скокпол заходит столь далеко, что изгоняет из своего объяснения революций практически все, что не связано с социоструктурным уровнем (в широком смысле — государственная система, межгосударственная система и т. д.), т. е. ценности, идеологию, психологию, сознательные действия и их организационное оформление и, конечно, всякую ситуативность⁹. В аналогичном направлении движется Дж. Пейдж, пытающийся установить корреляцию между революцией и типом землевладения и сельского хозяйства (что и отражено в подзаголовке его книги — «Общественные движения и экспортное сельское хозяйство в слаборазвитом мире») ¹⁰. На мой взгляд, Т. Скокпол, полагая, что дала анализ революционного действия, на самом деле лишь расширила набор структурных элементов, которые следует учитывать в исследовании необходимых условий революции, причем не только в пространстве, но и, что особенно важно, во времени, доводя их до броделевского уровня «большой продолжительности» ¹¹. Это само по себе важно, но оставляет в стороне

capitalism // Ibid. 1982. N 97. P. 17—113; *Idem*. The origins of capitalist development: A critique of neosmithian marxism // New left review. L., 1977. N 104. P. 25—92.

⁸ Под марксистскими в данном случае Т. Скокпол подразумевает экономодетерминистские объяснения революционных процессов. Признаем, что многие марксистские работы по теории революции, в том числе и у нас, по сути действительно экономодетерминистские. В них анализ революции подменяется исследованием ее экономических (в лучшем случае политико-экономических) предпосылок, будто последние сами по себе достаточны для генерирования революции. Если бы так было на самом деле, то, во-первых, революции происходили бы автоматически и деятельность людей и организаций была бы не нужна. Во-вторых, следовало бы ожидать почти непрерывной цепи революций.

Если бы одна эксплуатация была необходимым и достаточным условием восстания, то большая часть «третьего мира» была бы, несомненно, в полупостоянном состоянии гражданской войны, заметил Дж. Скотт (*Scott J.* The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven; L., 1976. P. IX). Как это на первый взгляд ни парадоксально, но сведение исследования революций к анализу так называемых объективных условий, точнее, в значительной степени подмена первого вторым характерна как для многих марксистских, так и для многих буржуазных работ либерального направления. Внимание на эту «конвергенцию» обратили и западные ученые (см., напр.: *Goldfrank W. J.* Theories of revolution and revolution without theory: the case of Mexico // Theory and society. 1979. Vol. 7, N 1/2. P. 135—165; *Petrus J.* Critical perspectives on imperialism and social class in the Third world. N. Y.; L., 1978. P. 13—62; *Wallerstein I.* Economic theories and historical disparities of development // Economic theory and history (8th Intern. econ. history congr.). Budapest, 1982. P. 17—26.

⁹ Особенно четко это изложено в гл. 1 ее работы.

¹⁰ *Paige J.* Agrarian revolution: Social movements and export agriculture in the underdeveloped world. N. Y., 1975.

¹¹ *Skocpol Th.* States and social revolutions. P. 18.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 425.

⁶ Несмотря на низкий уровень нашей культуры полемики и научной культуры в целом, когда критика часто воспринимается как враждебная акция, а упоминание или нецитирование — как личное оскорбление, все же ограничусь названием лишь одной серьезной работы по проблеме классов: «Социальная психология классов: Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе». М., 1985.

⁷ *Wallerstein I.* The modern world system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N. Y., 1974; *Brenner R.* Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe // Past and present. Oxford, 1976. N 70. P. 30—75; *Idem*. The agrarian roots of european

условия достаточные, не говоря уже о самой революции как процессе человеческого действия, во многом — особенно в момент самого социального взрыва — антиструктурного по своей сути. В результате в концепциях, подобных Скокпол, несмотря на их эвристическую ценность, воссоздается картина истории без человека, без субъекта, как заметил Э. Томпсон¹².

Сам Томпсон относится к представителям того направления, которое исходит из необходимости понимания социальных процессов и социальных групп (в частности, рабочего класса) не как слепка социальной структуры, а как потока социальных отношений¹³, отчасти развивающегося в рамках структуры, отчасти их ломающего или, по крайней мере, меняющего. Аналогичные мысли — на примере позднего средневековья — высказывает Р. Бреннер. Он подчеркивает, что, хотя классовые структуры ставят довольно жесткие пределы и довольно жестко определяют «коридор возможностей» развития в долгосрочной перспективе, они лишь фиксируют место того или иного класса, но не детерминируют полностью ни его социальные действия, ни результаты исторического процесса¹⁴. С этих позиций Бреннер критикует, в частности, Валлерстайна — и не только за то, что тот выводит развитие капитализма из сферы обращения, но и за то, что при его подходе в рамках системы растворяются и исчезают классы как единицы анализа и — следует добавить «за Бреннера» — как субъекты, от действий которых зависит развитие социальной системы. Правда, при этом необходимо отметить (каждое приобретение есть потеря и каждая потеря — приобретение), что миросистемный подход предоставляет, помимо прочего, две возможности, отсутствовавшие ранее в «неомарксистском спектре». Во-первых, в лице Валлерстайна неомарксистские исследователи революций начали переходить от акцентирования «объективных условий» к анализу системы в целом, что позволяло значительно более полный, «стереоскопический» взгляд. Во-вторых, миросистемный подход позволяет не просто уловить, но и концептуализировать ситуацию, что крайне важно в исследовании революций, где установление причинных связей и зависимостей затруднено стремительностью и взаимопереплетением событий, краткосрочностью перспективы, многочисленностью агентов действия и т. д. Для того чтобы экономический строй своим воздействием вызвал сдвиги в сфере социальных отношений, необходимо время; время необходимо и для того, чтобы изменившаяся социальная сфера вызвала сдвиги в культуре, идеологии, психологии. Таким образом, если мы будем исходить из определяющей роли экономических факторов (абстрагируясь от других), то все равно придем к выводу, что их действие носит в лучшем случае диахронический характер (речь идет об эволюции, а не о потрясениях и кризисах). Если же

брать синхронический «срез» — «остановись, мгновение!», то развитие сфер данного общества, включая экономическую, будет зависеть от состояния системы в целом, соотношения социальных сил в ней на данный момент. При этом решающую роль может играть вовсе не доминирующий в долгосрочной перспективе фактор, а иной, который воплощает на данный момент системные характеристики, выступает носителем равнодействующей сил системы, а также влияния на нее других систем. В этом смысле ситуация может быть различной, вплоть до того, что ход событий определяется «нравом» того или иного политического деятеля или узкой группы деятелей. Вот это-то и дает возможность уловить миросистемный подход. Однако, создавая возможности плодотворного анализа революций (а у Валлерстайна есть очень интересные мысли о европейских революциях нового времени), он же и ограничивает эти возможности. В рамках миросистемного целого сложно концептуализировать автономное положение элементов — будь то классы или государство, не говоря уже об ускользании таких тонких «вещей», как идеология и ценности. Что еще важнее, возможность свести общество в его развитии, исторический процесс — к структуре (как у Т. Скокпол) или к системе (как у И. Валлерстайна) существенно ограничивается тем, что система несводима к структуре, а реальность как целое — к системе и несомненности. И это серьезное препятствие на пути «структурных» и «системных» интерпретаций социальных процессов.

III

Структура (способ связи элементов в пространстве и времени) не единственная характеристика системы; есть еще и организация (связь элементов во времени); ни развитие системы во времени (действия, процессы), ни содержание системы нельзя сводить лишь к структурным параметрам. Разумеется, излишне жесткого противопоставления здесь быть не может, однако есть определенные акценты. Структура есть способ связи, изменяющийся в пространстве и времени. Организация есть способ связи, изменяющийся только во времени. «По существу, изменение организации системы есть смена ее определенных структур за определенный период времени»¹⁵. Таким образом, структура как инвариант «сущностных» свойств системы характеризует в большей степени пространственный (пространственно-временной), статичный (статично-динамичный) аспект развития системы; это — организация в синхронной среде. Организация же характеризует именно временной, динамичный аспект системы (при этом, как правило, организация характеризует изменение с определенной целью¹⁶, в котором цель

¹² Thompson E. P. The poverty of theory. N. Y.: Monthly rev. press, 1978. P. 164.

¹³ Thompson E. P. The making of the English working class. Middlessex, 1968. P. 9.

¹⁴ Brenner R. Agrarian class structure and economic... P. 52.

¹⁵ Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971. С. 48; см. также: Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976. С. 36.

¹⁶ Аверьянов А. Н. Указ. соч. С. 36.

выступает как организующая форма процесса). Поэтому определение стадияльной специфики того или иного объекта должно иметь место не на уровне структуры, а на уровне системы, т. е. на порядок выше, поскольку не только нельзя «количественно» сводить развитие той или иной системы (например, формации) к ее структурным аспектам, но и само развитие системы как «качества» (а следовательно, уровень ее организованности, качество управления — все это стадияльные показатели) невозможно анализировать при таком подходе. Речь, таким образом, должна идти об определении стадияльно-исторической специфики не социоструктурного, а системно-исторического (в марксизме это — формационного) порядка.

Однако определение и системно-исторической (формационной) специфики, значительно расширяя и наши возможности исследования конкретного исторического субъекта, и наше поле «субъектного» зрения, в то же время дает неполную картину исторической субъектности, равно как и развития той или иной конкретной социальной системы. Связано это и со спецификой такого явления, как система, и со спецификой такого явления, как общество (человек), а точнее, с социальным проявлением некоторых общесистемных законов, свойств и парадоксов, природа которых такова, что предполагает (и отражает) существование в системном мире качественно иных (несистемных, а-системных) сущностей, единство которых с системными и воплощает, в частности, человек (общество).

Первый из таких парадоксов — парадокс иерархичности. Описание любой системы возможно лишь при условии предварительного описания данной системы как элемента более широкой системы. В свою очередь, решение задачи описания данной системы как элемента более широкой системы возможно лишь при условии наличия решения задачи описания данной системы как системы¹⁷. Однако, поскольку мир бесконечен (по крайней мере, из этого исходит диалектический материализм), решение этой задачи для мира в целом неразрешимо, следовательно, мир одновременно и системен, и несистемен, т. е. характеризуется (и эта характеристика его в целом не может в принципе, хотя и в разной степени, не распространяться на различные его сферы) одновременно и системностью и несистемностью.

Если с точки зрения парадокса иерархичности говорить о человеческом обществе, то системность последнего ограничена в трех отношениях. Во-первых, в сущностном: более широкой социальной системы, чем человеческое общество в целом, нет. Общество в целом как в более широкую систему включено в природу, которая не является более широкой социальной системой. Таким образом, достижение качественных пределов того или иного системного целого, с одной стороны, как бы завершает, замыкает систему, с другой — размыкает, не позволяя охарактеризовать его полностью

как систему исходя из системных же принципов! Можно, конечно, принять и природу в качестве более широкой системы для общества, ведь человечество, например, — элемент биосферы. Однако и это не дает возможности определить (социальную) систему как систему (социальную), поскольку привносит в нее природный, например биологический, элемент, что размыкает ее как систему, отвечающую определенным качественным характеристикам.

Второе ограничение — генетическое. Данная конкретная, качественно-определенная система не может возникнуть в соответствии с логикой и способом, характерными для нее как данной конкретной системы, поскольку ее как таковой еще нет. Иными словами, генетически возникающая системность положена не (или вне) системно, и само ее возникновение как положительного качества есть отрицание этого негативного состояния; само это возникновение предполагает разрушение старой системы, «разрыв времен», хроноклазм, т. е., по меньшей мере, само возникновение новой системы требует антисистемных (как общих, так и частных) условий. Поскольку способ, которым возникает система, имеет большое значение для дальнейшего ее функционирования и развития, то в ней всегда присутствует антисистемный (для нее) элемент. Антисистемность сохраняет свое значение (в той или иной форме) на всем протяжении существования системы, борьба которой с ней есть один из факторов развития системы (ср. энергия и энтропия).

В-третьих, ограничение функциональное. Отчасти оно конкретизирует второе, отчасти выступает в качестве самостоятельного. В любой социальной системе (ибо полностью интегрированное общество — это идеальная модель) присутствуют чуждые компоненты, которые оказались в ней либо генетически и стали функциональными для нее, либо функционально приобретены в ходе взаимодействия (как позитивного, так и негативного) с другими социальными системами и не «перемолоты» полностью данной системой (особенно велика их роль на ранней и поздней стадиях развития системы, когда ее «социальный иммунитет» недостаточно силен). Формирование человека как особого, антропологического («естественно-социального») существа, как исторического субъекта начинается задолго до возникновения классового общества; к моменту возникновения последнего человек как родовое существо уже в значительной степени сформировался, т. е. уже сформировалась родовая сущность человека как исторического субъекта. Генетически она совпадает с доклассовым обществом («доклассовое» здесь не негативное, а позитивное определение), т. е. по формационной шкале ей соответствует «первичная социально-экономическая формация» (Маркс). С развитием классов и классовости одна часть носителей исторической субъектности лишается этих качеств и низводится (в волевом или экономическом отношении) до положения объекта (вообще или в определенной сфере социального бытия), а другая, напротив, монополизирует функцию исторического субъекта. Однако во всех социальных системах,

¹⁷ См.: Садовский В. Н. Основания общей теории системы. М., 1974. С. 234.

построенных на функциональном отчуждении у человека его субъектности, субстанционально он сохраняет ее как свою родовую сущность (благодаря которой он выступает носителем целостных сторон бытия и которая как таковая становится в доклассовом обществе), и, таким образом, она присутствует как минимум негативно (а начиная с античности — и позитивно). Таким образом, исторический субъект, общество, оказывается шире системы (формации); в этом смысле саму классовую борьбу можно рассмотреть не только как борьбу субъектов внутри формации как системы, но и как борьбу субъектного и системного внутри общества, в рамках самого исторического субъекта как противостоящего природе (и это и есть макродвигатель истории — в тем большей степени, чем сильнее противоречие между системностью и субъектностью; максимальное совпадение системности и субъектности оставляет мало шансов для реального развития, это — социальная «черная дыра»).

Итак, споры современных западных исследователей о том, с каких позиций надо оценивать революцию — со «структурных» («системных») или «волютаристских» («субъектных») — это, по сути, споры о соотношении человека и объективных условий его существования в ходе исторического процесса; это «проигрывание» в рамках изучения революции фундаментальной проблемы классической европейской философии «субъект — объект», которая в социальных науках выступает как проблема исторического субъекта. Как мы видели, современные западные специалисты по теориям революции сталкиваются в решении этой проблемы с целым рядом трудностей, которые они далеко не всегда могут преодолеть. В результате их «концептуальные корабли» разбиваются либо о Сциллу системности («структурности»), либо о Харибду субъектности. Это — в немарксистских исследованиях. Ну а что же марксизм и марксисты?

IV

Марксизм возник и с самого начала, с первого из «Тезисов о Фейербахе» развивался как такая теоретическая система, которая рассматривает развитие общества сквозь призму субъекта. Это было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, тем, что, возникнув на магистральном пути развития европейской мысли как целостная система, которая охватывала широчайший круг вопросов и стремилась снять в рамках некоей целостности противоречия между рядом традиционных направлений европейской мысли, построенных на гипостазировании отдельных «частностей» (материализм — идеализм, диалектика — метафизика, субъект — объект и т. д.), марксизм унаследовал — отчасти непосредственно, отчасти в снятом виде — многие фундаментальные проблемы европейской мысли, и прежде всего классической немецкой философии, в том числе и проблему субъекта.

Во-вторых, само возникновение марксизма отразило (и посвоему выразило) перелом, глубокий, многослойный кризис в развитии западноевропейского общества, а следовательно, и европейского субъекта, связанного со становлением капитализма. Прежде всего, это был внутрiformационный кризис капитализма — переход от ранней, мануфактурной стадии к зрелой, промышленной, когда и возникает капиталистическое в строгом формационном смысле слова общество, когда формируется адекватная капитализму как формации система индустриальных производительных сил. Промышленная революция была предшествующей или в лучшем случае начальной (1750—1830) фазой социально-экономической революции, которой было отмечено становление капитализма как формации и которая хронологически охватила 1830—1850 годы. Именно эта временная зона отделяет старую Европу от новой (в массовом, широкоохватном измерении — от политических сдвигов до быта). В этом смысле возникновение и формирование марксизма приходится на конец одной стадии развития капитализма и начало другой.

Далее. Это был кризис и в развитии западноевропейского общества в целом, которое на рубеже XVIII—XIX вв. переходило, если можно так выразиться, от формационно-промежуточного состояния к формационному — капиталистическому. При формальном подчинении труда капиталу стадияльно предшествующие ему производственные отношения были разрушены, ослаблены или изменены на паракapиталистический лад функционально, но общество в целом еще не было подчинено полностью формационным законам капитализма, а экономическая (в узком смысле слова) сфера не являлась доминирующей. Переход к промышленному (формационному) капитализму, помимо прочего, существенно изменил положение и субординацию различных сфер; экономика столь резко выходит на первый план, что ошеломляет современников-наблюдателей. В обществе происходит сдвиг в сторону материально-вещественных факторов человеческого бытия (осознание этого факта приводит и к изменениям в культуре и общественной мысли)¹⁸.

Наконец, 30—50-е годы XIX в. ознаменовали и кризис западноевропейской цивилизации как локальной, начало ее заката, которое произошло несколько раньше и несколько иначе, чем это считал О. Шпенглер, интуитивно многое и правильно уловивший. Связано это было тоже со становлением капитализма как формации, который как формация является системой мирового (по охвату производственными отношениями) порядка. Если, говоря упро-

¹⁸ В частности, возникновение чувства зависимости от материальных условий бытия покончило с господством классицизма и стало той основой, без которой невозможно возникновение реализма (см.: *Затонский Д. В.* Западноевропейский реализм: линии и лики. Киев, 1984. С. 51). Не случайно, что отрицание капитализма общесоциально или формально-политически принимало в искусстве форму антимодернизма, возврата к неоклассицизму: с одной стороны — СССР, с другой — Германия и Италия в 30-е годы.

ценно, генезис капитализма как способа производства носит «мировой европейский» характер, то превращение его в формацию представляет собой глобальное явление. Не случайно окончание формирования индустриальной системы производительных сил в наиболее развитой стране Европы того времени — Англии, совпало с резким, до глобальных масштабов, расширением мирового рынка. Произошло это в 50-е годы и было тесно связано с торговым кризисом конца 40-х годов и февральской революцией 1848 г.

Возникнув из недр локальной европейской цивилизации, капитализм стал мировым явлением, и буржуазная цивилизация, во многом сохраняя преемственность, уже в силу своего мирового характера, обусловленного ролью всепроникающего экономического фактора, в определенной степени стала не только продолжением, но и отрицанием локальной европейской цивилизации. Экономическое и мировое измерения подчинили себе все остальные человеческие измерения и человеческое как таковое в целом. Высокая европейская культура, взлет западноевропейской цивилизации в XV—XVIII вв. (ренессанс, барокко, классицизм) характеризовались тем, что в центре, фокусом оказался человек как целостность, несводимая ни к сумме составляющих его частей, ни к одной из этих частей в абсолютизированном виде. Короче, в центре оказался человек как индивидуальный субъект, который, можно сказать, если не вытеснил Бога, то существовал рядом с ним и постепенно теснил его (эта тенденция становится особенно отчетливой в Просвещении и у Канта). Такое оказалось возможным благодаря тому, что XV—XVIII вв. были промежуточным, а в ретроспективе — переходным, периодом: «поле гравитации» одной укладно-формационной системы разрушалось и было уже слабым, «поле гравитации» новой укладно-формационной системы только формировалось и было еще слабым. В результате человек оказался если не в состоянии «голой», «универсальной» социальности, то, по крайней мере, в таком состоянии, когда классовые характеристики различного стадияльного типа уравнивают друг друга, в то же время сами не являясь (еще или уже) жесткими и завершенными в своей сформированности. В такой ситуации универсальные аспекты социальности если не подчиняют конкретные классовые аспекты, то, по крайней мере, выходят в той или иной форме на первый план. Не случайно, как заметил Фуко, к концу именно этого периода происходит изобретение Человека¹⁹, т. е. происходит дискурсивная фиксация универсальной социальности как самостоятельного качества. Эта универсальность характеризует и титанов Возрождения (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль), о которых Энгельс говорил, что они кто угодно, но только не буржуазно ограниченные люди, и титанов классического западноевропейского искусства и культуры XVII—XVIII вв. (Рембрандт, Гете, Гойя, Бетховен, классическая немецкая философия). Этой универсальностью, большей человечностью и большей субъектностью

индивида, еще не редуцированного к узкоклассовым, узкоэкономическим измерениям и функциям, классическая эпоха XV—XVIII вв. отличается от капиталистической (в строгом смысле этого слова), западноевропейское общество XV—XVIII вв. — от капиталистического общества в Западной Европе XIX в.; классическая локальная буржуазная европейская цивилизация — от уже не столько европейской, сколько мировой капиталистической. С одной стороны Кант, с другой — Конт, с одной стороны Гете, с другой — Бальзак; ряд оппозиций можно продолжить. С социокультурной точки зрения Маркс (и его теория) находится на границе между двумя этими рядами, на их стыке. Возникновение и становление теории Маркса приходится на грань двух эпох, двух стадий капитализма, двух обществ и двух пространственно-временных вариантов западной цивилизации²⁰. Если Великая французская революция, означавшая, помимо прочего, коллективное действие индивидуальных субъектов, находится в начале этого перелома, то теория Маркса относится в большей степени к концу этого перелома, скорее, завершает его осмысление, начатое Гегелем. Как теоретическая система, непосредственно связанная с классической буржуазной цивилизацией, марксизм унаследовал проблему субъекта, и генетически она является центральной в нем. Как теория, развивающаяся в такую эпоху, когда господствующими являются капиталистические отношения в их жестко-классовом, формационном, сведенном к экономике виде, теория Маркса должна была исследовать и изучать этот субъект в специфических — десубъективирующих, объективирующих условиях, что налагало специфику как на постановку, так и на решение этой проблемы.

Возникнув в эпоху кризиса, точнее, наложения друг на друга трех кризисов в многослойный и всеохватывающий кризис, теория Маркса отразила его и теоретически и политически. В периоды кризисов всегда выходит на первый план субъектность, проявляющаяся как способность тех или иных групп выступать в качестве коллективного «деятеля», в конечном счете — в качестве субъекта исторического процесса. Социальные потрясения 30—40-х годов

²⁰ Здесь возникает вопрос: что же такое с этой точки зрения теория Маркса? Локальная европейская теория, отразившая выход европейского общества за собственные рамки и наступление мировой эпохи развития капитала? Или мировая теория капиталистического общества, в которой преломились проблемы локального опыта западноевропейского развития, сквозь призму которого и рассматривается история? А быть может, и то и другое одновременно? Над этими вопросами еще предстоит подумать. Ясно одно: и генетически и функционально марксизм — это открытая теоретическая система. Сам принцип ее конструкции — обобщение опыта исторического и духовного развития и снятие его на более высоком уровне — подразумевает возможность как разработки различных версий, вариантов обобщения и снятия в заданных рамках, так и дополнения и развития уже существующей системы. В данном случае я оставляю в стороне еще одно пересечение в теории Маркса — науки и идеологии, в результате чего сама идеология начинает проверяться по ее соответствию конкретным и теоретико-методологическим достижениям и требованиям развивающегося научного знания.

¹⁹ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 398.

XIX в. оказали значительное влияние на формирование теории Маркса. Однако в условиях капиталистического общества XIX в. само проявление субъектности происходило не в универсальной форме, которую и отразила классическая западноевропейская мысль (в частности, немецкая философия) и из которой исходил Маркс, а в конкретной классовой, т. е. сведенной социально к экономическому измерению и — во многом — к объективированной форме. Это одно из противоречий теории Маркса с точки зрения диалектики ее преемственности и разрыва с классической европейской философией, с точки зрения проявления диалектики содержания и формы исторического субъекта. Это противоречие присутствует на протяжении всего развития теории Маркса, и далеко не все уловили его суть.

Уже в первом из «Тезисов о Фейербахе» Маркс сформулировал мысль, что сама предметная, объектная сфера человеческого бытия есть лишь результат опредмечивания, объективации субъект. В третьем тезисе Маркс писал: те материалисты, которые считают, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, забывают, «что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан»²¹. И в «Немецкой идеологии», и в «Экономических рукописях 1857—1861 гг.», и в «Экономической рукописи 1861—1863 гг.» Маркс обращается к проблеме субъекта.

Казалось бы, именно в марксистской теории проблематика субъекта должна была быть разработана наилучшим и наиболее полным, по сравнению с другими направлениями мысли, образом. Однако на деле это не так. Что касается Маркса, то он не успел создать не только теорию общественно-исторического субъекта, не только политэкономии в широком смысле этого слова, но и завершить полностью свой план исследования капиталистической формации. Что же касается более поздней марксистской мысли, прежде всего у нас, а также и на Западе, то она не смогла реализовать те возможности, тот потенциал разработки теории общественного развития и теории революции как процесса объективации исторического субъекта, который содержится в работах Маркса. Более того, за незначительным исключением, такие попытки даже не предпринимались. Развитие общества в марксистской теории в первой половине XX в. было сведено главным образом к предметной, вещественной деятельности людей, оторванной от человека и противопоставленной ему; проблематика человека оказалась вообще вытесненной из философии и теории общественного развития, а такое центральное для марксистской теории понятие, как «производительные силы», стало трактоваться узкопредметно, вещественно; оно стало определяться так, словно является не процессом опредмечивания человеческой деятельности (т. е. объективации субъекта), а некой самостоятельной вещественной субстанцией, существующей независимо от человека и определяющей его развитие. Произошло это по нескольким причинам.

Во-первых, сам Маркс анализировал главным образом капиталистическое общество, в котором человек (субъект) превращается в элемент технологии (объективных условий), становится орудием машины: не рабочий применяет условия труда, «а условия труда применяют рабочего»²². В связи с этим Маркс должен был уделить значительное внимание объективным, вещественным факторам производства, а в политэкономии — решать вопросы экономической теории капитализма. Кроме того, Маркс часто иллюстрировал свою теорию примерами капиталистической экономики и капиталистического общества. Если у многих буржуазных ученых все это создало впечатление, что Маркс — всего лишь экономист объективистского толка, то у многих марксистов создалось впечатление, что материализм Маркса заключается именно в признании господства вещественных факторов труда над прочими — природными, социальными, духовными. Поэтому основное внимание политэкономов было сконцентрировано главным образом на производственных отношениях между людьми, не на человеке, а на предметных условиях этих отношений, причем в том виде, в каком они существуют при капитализме. В результате во многих случаях суть марксизма (и задачи марксистского анализа) стала восприниматься как учение о законах развития производства вещей в том виде, в каком оно существует при капитализме. Если Маркс в развитии капиталистического производства и действия экономических законов капитализма видел специфическое проявление субъекта, особую форму его объективации, то в глазах целого поколения марксистов последняя стала самодовлеющей, самостоятельной и растворяющей человека.

Таким образом, методологически была увековечена в качестве содержания предметная форма проявления субъекта при капитализме, объект занял место субъекта, и методологически это состояние в качестве нормы было перенесено на все стадии развития общества и представлено в качестве сути марксистской теории развития общества.

Во-вторых, в 30-е годы в нашей науке капиталоцентричной интерпретации теории Маркса способствовало и то искусственное дисциплинарное, противоречащее сути теории Маркса, раздробление последней на частные сферы, в результате чего человек оказался как бы поделенным, разобранным на части и исчез как субъект, как носитель целостных сторон социальности из теоретических исследований. Марксизм — целостная теория. Однако в 30-х годах в соответствии со специфически понимаемыми задачами идеологии, образования и науки он был механистически разделен на диамат и истмат; проблемы политэкономии, науки о производственных отношениях в широком смысле этого слова, сведенные к проблематике экономической теории или, в лучшем случае, смешанные с ней (в итоге политэкономия стала теорией товарных отношений), оказались обособленными, отрезанными от теоретиче-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 2.

²² Там же. Т. 26, ч. III. С. 285.

ского анализа производственных отношений, формационных проблем, «переданных» истмату.

Такой редукции человека к вещественным факторам производства, десубъективации марксистской теории способствовали, по крайней мере, три обстоятельства. Первое — экономические задачи, вставшие перед советским обществом в 30—50-х годах как функция строительства новой социальной системы, — создание промышленности, царства «огня и металла», задачи накопления того овеществленного труда, который не был накоплен российским капитализмом, ориентировали внимание исследователей на уже объективированную деятельность и создавали основу для придания универсального теоретического статуса тому, что представляло собой временную историческую задачу, — со всеми вытекающими отсюда политэкономическими выводами. В результате ввиду сходства историко-экономических задач произошло «выталкивание» человека из экономической проблематики, аналогичное ряду направлений буржуазной политэкономии. Произошло это ценой вулгаризации марксизма.

Второе обстоятельство, значительно более существенное, — специфика сталинского режима, административно-волевой системы, внутренняя логика которой требует подсистемы страха, причем как системообразующей, придающей своим карательным аппаратом законченный, целостный характер всей системе²³. Ситуация, когда любой индивид — от социального низа до самого социального верха включительно — мог быть в любой момент репрессирован и отправлен в ГУЛАГ или в небытие, когда не только человеческое достоинство, но и сама жизнь ценится мало, не может стать основой не только исследования субъектности, но и ее признания. В таких обстоятельствах человек может быть главным образом винтиком в едином военно-лагерном механизме, социальным индивидом, выполняющим любые приказы без сомнений²⁴. В условиях такой системы проявление субъектности индивида, а тем более ее теоретическая фиксация крайне затруднены. В этом смысле исчезновение человека как субъекта из теории отражало господствующие формы социальной реальности, антигуманной десубъективирующей социальной реальности, торжество системности над субъектностью. Характерно, что возвращение к проблеме субъекта произошло после XX съезда КПСС — и это при том, что Н. С. Хрущев продолжал говорить о «винтиках».

Если специфика сталинского режима объясняет социальные причины блокирования субъектной тематики, то культурно-психологические причины этого (третье обстоятельство) тесно связа-

ны с позитивизмом вообще и в предреволюционной России в частности. Позитивизм, как и марксизм, возник в ходе, в результате и на фоне кризисных явлений развития западноевропейских обществ и общественной мысли. Однако если марксизм унаследовал от классической философии ее проблематику и по-новому поставил и решил целый ряд классических вопросов, то позитивизм от многих из этих вопросов отказался, квалифицировав их как квазирелигиозные и устаревшие. Устранившись от решения основного вопроса философии и изгнав философию «в дверь», позитивисты впустили ее «в окно» в виде комбинации стихийно-материалистических и стихийно-идеалистических воззрений и представлений, причем часто идеалистические представления об обществе внешне принимали материалистический вид. Философская бесформенность и примитивность (сравнительно с материализмом и идеализмом) позволяют ему проникать в них без нарушения своей формы и структуры и существовать в них, образуя «второстепенную» позитивистскую тенденцию. Особенно велики возможности позитивизма «маскироваться» под материализм и марксизм, поскольку марксизм — это диалектический материализм. Заземленность позитивизма на эмпирическое, конкретное, на экономические факторы смазывает различие между ним и марксизмом — особенно в глазах тех, кто всю сущность марксизма сводит лишь к материализму, к эмпирическому и т. д. В этом смысле позитивизм — тень марксизма, энтропия марксизма, его «бес». Проблема отношений марксизма и позитивизма характеризуется остротой и сложностью не только в логико-философском плане, но и в историко-философском. Само развитие марксизма шло в острой борьбе с позитивизмом. Позитивизм имел широкое распространение в России и пустил глубокие корни в русской социологии и философии (не говоря о естествознании) конца XIX — начала XX в. Начиная с 60-х годов XIX в. позитивизм стал для вышедшей на арену общественно-политической и идейной жизни страны разночинской интеллигенции средством противостояния религиозной философии, православному богословию, средством борьбы «детей» против «отцов». Для марксизма, в силу его сходства с позитивизмом по линии материализма и резкого внешнего отличия позитивизма от идеализма, борьба с позитивизмом была сложной задачей, тем более, что марксизм в России ложился на такой духовный пласт, который уже был обильно удобрен позитивизмом. С самим марксизмом многие знакомы не по оригинальным произведениям. Позитивизм бессилен против марксизма в случае соблюдения всех принципов марксистской теории — материализм, диалектика, историзм, системность, субъектно-объектный подход к реальности. Подобно булгаковскому Воланду, чья работа была разрушительна лишь среди совершившегося уже распада, позитивизм способен противостоять марксизму лишь в том случае, если сами марксисты нарушают принципы своей теории, ибо достаточно нарушить хотя бы один из принципов марксизма, как в соответствии с «законом домино» автоматически нарушаются другие и марксизм превраща-

²³ См.: Попов Г. С точки зрения экономиста (о романе Александра Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 62; Абалкин Л. И. Это требует прямого ответа // Сов. Россия. 1987. 25 окт. С. 3.

²⁴ «Слой тех, кто знал толк в культуре сомнения и имел к ней вкус, быстро исчез в гонимых первых пятилетках» (Маяцкий М., Надточий Э. Философия в повелительном наклонении // Юность. 1987. № 10. С. 28). Подобно героям «Котлована» и «Ювенильного моря» А. Платонова.

ется в нечто похожее на позитивизм. Особенно легко позитивизм проникает в «щели», появившиеся в результате нарушения принципа диалектики, и хотя нарушение любого принципа чревато серьезными последствиями, наибольший научный урон несут огрехи по части диалектики.

Происшедшая в условиях сталинского режима вульгаризация марксизма, основанная на низком, по сути люмпенском, уровне культуры и философской безграмотности, развивалась именно в русле упрощенческо-позитивистских интерпретаций, придав им необходимые для легитимности режима и его идеологии утопические черты. В 30—50-е годы эти интерпретации оформились в систему, весьма далекую не только от марксизма, но и от возможности положительного развития. Наиболее характерной, центральной чертой вульгарного марксизма является его антигуманный, антисубъектный характер. Человеческое, субъектное изгнано из него. Понятия этой «теоретической» системы как идеального коррелята сталинской формы власти зафиксировали отсутствие человека, субъекта как такового; в них отражено максимальное взаимообособление между человеком, с одной стороны, и производительными силами — с другой. Причем за этими последними, взятыми в предметно-вещественной, обезчеловеченной форме, признавался примат по отношению к человеку. «Производительные силы» — центральное понятие марксистской теории, и с ним связаны проблемы и производственных отношений (последние как «форма производительных сил»), и способов производства («единство производительных сил и производственных отношений»), и революций («разрешение противоречий между производительными силами и производственными отношениями»). Поэтому погрешность в определении этого понятия сразу же множится и ведет к ошибкам в решении целого ряда проблем, включая социальные и политические революции. В связи с этим на вопросе о производительных силах, их стадийно-исторических системах и способах производства (ведь великие революции, включая французскую, связаны с переходом от одного способа производства к другому) остановимся подробнее.

V

В результате сведения определения «производительные силы» к механистическому и статичному набору, сумме элементов — работник, орудие и предмет труда, т. е. к определению, которое по своей сути не могло указать на источник движения (развития) отражаемой им реальности, как этого требует марксистская методология, — возникла необходимость найти общественный источник развития, двигатель производительных сил. И он был найден в производственных отношениях. При этом какое-то время никого не смущало, что такой результат поиска вступал в резкое противоречие с положением исторического материализма о производительных силах как содержании и производственных отношениях как

форме; получалось, что форма определяет содержание и выступает движущей силой его развития. Попытки найти выход из этого замкнутого логического круга привели к дискуссиям среди советских ученых об источниках развития производительных сил на страницах журнала «Вопросы философии» в конце 50-х — начале 60-х годов. В ней столкнулись сторонники предметного, десубъективирующего подхода и их противники из лагеря тех философов, которые в 60-х годах противопоставили предметным, десубъективирующим трактовкам основ развития общества зеркальную, «гуманизирующую» интерпретацию. Наиболее отчетливо это проявилось в работах Г. Батищева, который очень близко подошел к решению проблемы производительных сил как процесса объективации субъекта, но, на мой взгляд, не сделал последнего шага — не связал теоретически субъектность с производительными силами. Г. Батищев противопоставил производительным силам (понимаемым им предметно) как решающему фактору развития общества деятельность человека, «сущностные силы человека» — понятие, по его мнению, более широкое, чем «производительные силы»²⁵. При всей важности поворота к человеку подход Батищева оказался во многом изнанкой «предметного» подхода к развитию общества; в нем предполагалось сведение производительных сил к вещественным орудиям труда, а человек как субъект изымался из них и противопоставлялся результатам человеческой деятельности. Протипоставив человеческую деятельность производительным силам, Батищев не только сохранил нетронутым догматическое определение производительных сил, не только оставил на откуп догматикам важнейшее понятие теории Маркса, но и уступил инициативу своим оппонентам, ибо с самого начала принял их «правила игры» — ошибочные постановку проблемы и определение производительных сил²⁶.

²⁵ См.: Батищев Г. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 73—144.

²⁶ Эта особенность подхода Г. Батищева, помимо других важных причин социосистемного порядка, была в значительной степени отражением и соответствием общественной позиции части сторонников реформ из творческой интеллигенции нашего общества в 60-е годы — того факта, что они не могли или не сумели взять инициативу в свои руки и действовали в рамках, заданных, по определению Попова, «административной системой», ее социальных возможностей и постановок проблем, лишь смещая акцент на противоположный, ранее безударный элемент. «Этот» акцент на «надстроечные» «антипроизводственные» факторы отразил как в значительной степени элитарный характер той группы, которую называют «шестидесятниками», и ее подход к реальности, так и еще неосознанное ею собственное положение в качестве уже не столько интеллигенции в прежнем социальном смысле слова (фиксирующем прежде всего отношение к надстройке), сколько в качестве особого слоя трудящихся базисного порядка, противостоящего неадекватной для развития энтропических форм производства (и мировой конкуренции) форме организации власти. (Показательно, что понимание марксистами производительных сил как процесса человеческой деятельности произошло по мере развертывания НТР, когда наука становится непосредственной производительной силой материального производства, а ее персонификаторы — наемными работниками умственного труда.) Таким образом, противопоставление сущностных сил человека производительным силам

Лишь в начале 70-х годов марксистская мысль, прежде всего в СССР, ГДР и в Венгрии, вплотную подошла к пониманию и определению производительных сил как процесса человеческой деятельности, как процесса объективации субъекта. Таким образом, было возрождено марксово определение производительных сил как «результата практической энергии людей»²⁷, т. е. как процесса опредмечивания сущностных сил человека, который есть источник самодвижения (саморазвития).

Одним из наиболее важных с точки зрения развития марксистской теории производительных сил мне представляется анализ внутреннего содержания этого понятия, а равно и других понятий — «труд», «система работ» — В. В. Крыловым. Так, на примере внутреннего анализа понятия «труд» он убедительно показал невозпроизводимость труда и его элементов (работник, орудие, предмет) как процесса в рамках определения категории «простой (всеобще-абстрактный) труд», а следовательно, ошибочность сведения к труду и к этому набору понятия «производительные силы»²⁸. Что не менее важно, В. В. Крылов подошел к определению производительных сил как деятельности субъекта (а раз так, то в зависимости от объекта, на который направлена эта деятельность, производительные силы могут быть вещественными, социальными, духовными, натуральными и т. д.) и конкретизировал их стадияльно-исторически в различных исторических системах производительных сил — индустриальной, научно-технической, натуральной. Особое значение — и само по себе и для преодоления капиталоцентризма — имеет разработка теории натуральных производительных сил. Их анализ, по контрасту с системой индустриальных производительных сил, лежащей в основе капитализма, демонстрирует существенное различие отношений собственности в зависимости от характера производительных сил. Все это лишний раз подтверждает, что суть теории Маркса не в провозглашении примата вещественных факторов труда и экономических отношений собственности на «все времена и народы», а в тезисе о том, что производственные отношения (отношения собственности) обусловлены характером присваиваемого объекта. И если это такой объект, в котором в отличие от капитала природный субстрат (тело человека, земля) доминирует над трудовым, то здесь будут иные, чем при капитализме, производственные отношения и для их анализа необходима иная политэкономия, чем политэкономия капитализма. Здесь иначе, чем при капитализме, будет реализовываться субъектность, иначе будут развиваться социальные движения.

Культурно-исторический субъект вообще есть такая особая

отразило социальное положение определенной социальной группы на определенной стадии ее развития и ее представление об этом положении как «ложное сознание».

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402.

²⁸ Крылов В. В. О внутреннем неразрешимом противоречии категории «простой абстрактный труд». М., 1972 (рукопись; предоставлена мне автором).

часть природы, которая воплощает целостность, всеобщность последней. В конкретной самореализации исторический субъект выступает как множество конкретных обществ, а начиная с определенной стадии и как множество индивидов. Субъект реализует себя в определенных материально-исторических условиях (частично созданных им, частично унаследованных), зависящих от стадияльно-исторических типов — социальных систем (формаций), не исчерпывающих его полностью, но ставящих определенные рамки его развитию, в большей или меньшей степени позволяющих проявление субъектности (вплоть до десубъективации), короче, придающих самой субъектности ту или иную форму, которая всегда есть ограничение. Причем ограничение это играет достаточно активную роль, и система вовсе не выступает лишь формой проявления субъекта; в большей или меньшей мере она становится и содержанием субъекта, в результате чего под этим углом зрения субъектность оказывается специфической формой социальной системы, проявлением (в той или иной степени) системности. В свою очередь, та или иная форма системы ставит определенные рамки проявлению субъектности. Обусловлено это, разумеется, спецификой производительных сил. С капиталистическим способом производства в данном случае дело обстоит относительно просто: одна система производительных сил, один способ производства, один тип производственных отношений. Намного сложнее положение с докапиталистическими способами производства. В рамках натуральной системы производительных сил, в которой природные производительные силы господствуют над исторически созданными (речь не идет о доземледельческих, так называемых «присваивающих» видах хозяйства), — несколько способов производства (существование феодального и антично-рабовладельческого способов производства признается большинством, по поводу «азиатского способа производства» (АСП) ведутся споры). Если мы хотим понять специфику развития европейского субъекта и место и значение революции в этом развитии, то нам необходимо решать проблему специфики и взаимных отличий докапиталистических способов производства, их связей с капитализмом (формационных и цивилизационных), проявления в них субъектности и т. д. Для этого необходимо разобраться, сколько же было докапиталистических способов производства. Попытки выяснить этот вопрос в спорах нескольких последних десятилетий ни к чему не привели и, на мой взгляд, не могли привести, поскольку спорившие анализировали эмпирический материал исходя из капиталоцентричных посылок и оценок. По моему мнению, никто из исследователей в 60—70-е годы (за исключением В. В. Крылова) не пытался определить специфику докапиталистических способов производства, исходя из специфики той стадияльно-исторической системы производительных сил — натуральной, — которая лежала в их основе, отталкиваясь от членения ее на локально-стадияльные фазы. Первым шагом на этом пути должна была бы стать иная, чем дискутировавшаяся, постановка вопроса: вместо «сколько

было докапиталистических способов производства» (и стадияльно адекватных им типов общества) необходимо поставить иной вопрос: «Сколько их должно было быть в соответствии с логикой развития натуральной системы производительных сил, со специфическим для нее проявлением законов развития социальной формы движения материи, смены исторических систем производительных сил и соответствия производственных отношений производительным силам?»

В основе докапиталистических способов производства лежит натуральная система производительных сил, в которой силы природы, включенные в социальный процесс, господствуют над теми, что искусственно созданы человеком. Различные докапиталистические способы производства с необходимостью будут отличаться соотношением естественных и искусственных производительных сил, разрывом между ними. Последний не измеряется степенью развитости техники, исторически созданных факторов производства (хотя их значение возрастает от одного докапиталистического способа к другому — особенно если сравнивать между собой их зрелые и поздние стадии). Поскольку решающую роль играют природные производительные силы, которые ввиду локальных особенностей различны, то возможны ситуации, когда при одинаковом техническом уровне общий уровень развития производительных сил двух социумов может быть — в зависимости от степени сопротивляемости человеку природных производительных сил, степени автоматизма их функционирования без вмешательства человека, их продуктивности и т. д. — стадияльно различным. Поэтому-то в различных комплексах естественных производительных сил одни и те же технические сдвиги приводят к различным социальным результатам (например, различные формационные результаты «железной революции» в античной Греции и на Ближнем Востоке). В связи с этим реальный уровень развития производительных сил в докапиталистических обществах выступает как результат комбинации возможностей искусственных и естественных производительных сил. Но как концептуально выразить эту комбинацию, измерить это соотношение, если природные производительные силы в отличие от техники трудно соотносить с какой-либо шкалой? Эта трудность, однако, разрешима: искомым уровнем четко отражается в социальной организации производительных сил (=социальной организации общества). Поскольку в натуральной системе производительных сил природные факторы производства господствуют над искусственными, живой труд господствует над овеществленным. Сам живой труд выступает в двух видах — коллективный и индивидуальный. Чем более развиты исторически созданные производительные силы, тем более самостоятельную роль играет индивидуальный труд. Соотношение коллективного и индивидуального труда фиксируется в соотношении «коллектив (K) — индивид (И)» в социальной организации (Gemeinwesen) докапиталистического способа производства. Качественно-особых соотношений двух элементов может быть только три:

$K > И$, $K = И$, $K < И$, иными словами, господство коллективного (коллективно-опосредованного) труда над индивидуальным; их равновесие; господство индивидуального труда над коллективным²⁹. Эти три различные формы отношений между коллективом и индивидом суть три принципа социальной организации докапиталистического общества («азиатская», «античная», и «германская» формы Gemeinwesen), само отрицание которых — утрата положительного общинного качества — и превращение в негативные, «вторичные» (Маркс) формы дает соответственно «азиатский», рабовладельческий и феодальный способы производства.

Итак, во-первых, антагонистических, классовых (в широком смысле слова) докапиталистических способов производства должно (и может) быть только три. Во-вторых, стадияльно отличаются они друг от друга не абсолютным развитием вещественных факторов труда (а-ля капитализм), не уровнем накопленного вещественного потенциала, а соотношением искусственных и естественных производительных сил, выраженным в принципах социальной организации, ее подвижности, в степени свободы индивида, его динамичности, его субъектности. Иными словами, помимо прочего, три докапиталистических способа (как социальные системы) производства отличаются друг от друга и стадияльным типом человека — типом субъекта (субъектности), в различной степени способного реализовывать ее в революционной форме. В то же время докапиталистические способы производства основаны на отчуждении (т. е. ограничении) субъектности. Поскольку в докапиталистических обществах решающую роль играют природные производительные силы и живой труд, а не вещественные факторы, эксплуатации должно предшествовать отчуждение личности, воли трудящегося распоряжаться своим телом или землей, в результате чего человек низводится до роли «говорящего орудия труда», природного условия производства для господствующего класса, короче говоря, — объекта, природного условия общественного воспроизводства господ: «При рабстве, при крепостной зависимости и т. д. сам работник выступает как одно из природных условий производства». «Отношения господства и подчинения... входят в формулу присвоения орудий производства». «Предпосылкой отношения господства является присвоение чужой воли»³⁰. Воля же и есть то, что актуализирует человека как субъекта (воля — как способность человека выступать носителем целостности природы, мироздания). Ясно, что отчуждение воли в рамках каждого из трех типов Gemeinwesen, посредством которого и происходит

²⁹ Речь не случайно идет о труде, производстве и социальном бытии в целом, а не просто о трудовых формах. Дело в том, что на основе производственной практики возникают определенные социальные институты, социальные системы, логика которых носит коллективный (в смысле Gemeinwesen) характер и закрепляется в общественных интересах как целостных, так и частных, и в отношениях власти и господства, реализующих, воспроизводящих и защищающих эти интересы.

³⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. М., 1980. Ч. 1. С. 491, 497.

и (само)отрицание и превращение в классовые докапиталистические способы производства, будет различным. Иными словами, в рамках каждой из трех систем (формаций) субъект (человек) будет ограничиваться по-разному, с разными результатами. По-разному будет проявляться и субъектность.

Выше уже шла речь о несводимости субъекта к системе. В какой степени он несводим к ней и не совпадает с ней в каждом из докапиталистических обществ? (Речь, разумеется, — о логико-исторических, идеальных моделях.) Сложность не только ответа на этот вопрос, но его постановки (с европейской точки зрения) возрастает пропорционально стадийному погружению в докапиталистическую глубь. Относительно просто дело обстоит с феодализмом и рабовладением. В обоих случаях экономический продукт создается индивидуально и индивидуально же отчуждается. Различия, следовательно, во-первых, в форме отчуждения воли, десубъективации. При феодализме, являющемся отрицательным вариантом германской формы *Gemeinwesen*, с ее максимальной индивидуализацией, это отчуждение носит индивидуальный характер: крепостной противостоит феодалу как индивид. Он не является лично зависимым по отношению к другому феодалу (этот принцип — макросоциален, он характеризует отношения и в среде господствующего класса: «вассал моего вассала — не мой вассал»).

Античная форма *Gemeinwesen* строится на равновесии коллектива и индивида, и, несмотря на индивидуальную форму создания экономического продукта, естественно возникшая форма коллективности упрочивается здесь необходимостью противостоять рабам и коллективно отчуждать их волю: «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности»³¹. Поэтому раб с точки зрения волевого состояния остается рабом по отношению к любому свободному члену античного полиса — независимо, присваивает ли последний его экономический продукт или вообще имеет ли он рабов. Таким образом, при индивидуальном отчуждении экономического продукта отчуждение воли носит здесь коллективный характер — и только этим, а не юридическими правами на жизнь и личность раба и крепостного отличаются рабовладение и феодализм.

Второе различие характеризует степень, охват отчуждения субъектности. При рабовладении эти степень и охват значительно больше, чем при феодализме: рабовладение для воспроизводства характерных для него отношений господства-подчинения и эксплуатации требует значительно более высокую степень отчуждения личности трудящегося. И это естественно: чем менее развиты исторически созданные производительные силы, тем больше значение коллективных форм социальности, тем больший сегмент социального бытия, субъектности отчуждается у человека. В условиях рабовладения и феодализма, основанных на таких комбинациях

естественных и искусственных производительных сил, которые позволяют индивидуальное создание экономического продукта, полного, тотального отчуждения воли (личности, субъектности) не происходит: отчуждающая социальная система «оставляет» за своими рамками «часть» субъектности. Десубъективация носит частичный характер: в одном случае она распространяется на волю распоряжаться внешним для человека природным объектом (землей) и частично — собственным телом как «субъективной природной производительной силой», во втором — она полностью охватывает волю распоряжаться собственной «телесной организацией».

А как должно обстоять дело в таком докапиталистическом способе производства, где господство природных производительных сил над искусственными (независимо от абсолютного уровня развития последних) столь велико, что создание экономического продукта носит коллективный (коллективно-опосредованный) характер (ирригационное, террасное земледелие и т. п.). Ясно, что здесь степень и уровень отчуждения, «запускающие» эксплуатацию, должны быть больше и выше (глубже) — в зависимости от угла зрения. Выше уровня распоряжения телесной организацией человека может быть лишь уровень его духовной (культурно-психологической — система потребностей) организации — контроль на этом уровне означает «тотальное», «поголовное» («качественно») отчуждение индивида. Шире действительного процесса производства, где, говоря упрощенно, «концентрируется» отчуждение при рабовладении, может быть лишь процесс общественного, (вос)производства в целом, совокупный процесс общественного производства, т. е. распределение факторов производства, процесс действительного производства, распределение продуктов производства, обмен и потребление. Это означает, что при коллективном создании экономического продукта отчуждение носит коллективный, макросоциальный, «тотальный» и «поголовный» («количественно») характер, т. е. человек тотально, до системы потребностей отчуждается не как индивид, а как представитель того или иного коллектива, вне и без которого он не существует как социальный агент. Способ производства, который стадийно предшествует антично-рабовладельческому и должен существовать между ним и доклассовым обществом в качестве первого классово-антагонистического общества, основан на коллективном создании экономического продукта и коллективном («поголовном») отчуждении воли (субъектности). Столь высокая, значительная степень отчуждения выступает как самоотчуждение общества в целом; субъект социально не фиксируется в обществе, а выносится за его рамки либо в виде функционально тоже десубъективированного безликого мирового закона, который (дао, карма) существует сам по себе или (ме — у шумеров, парса — в Аккаде) господствует над антропоморфными богами, либо в виде зооморфных богов (Древний Египет). Общество в целом («поголовно») есть здесь природное условие самовоспроизводства, что негативно фиксируется в вынесении субъекта за рамки общества. В. В. Крылов, предложивший,

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

на мой взгляд, на сегодняшний день единственно четкую логико-историческую типологию докапиталистических способов производства дает следующие характеристики основных противоречий, а следовательно и сути, докапиталистических способов производства. Согласно В. В. Крылову, системообразующее противоречие АСП заключается в наличии социально-экономического господства и в отсутствии при этом его волевой фиксации, ибо перед лицом тотального «верховного единства» все равны в своем рабстве (различия между слоями — в лучшем случае в степени неравенства): крайняя форма равенства есть в то же время крайняя форма власти — тотальной³².

Основное противоречие антично-рабовладельческого способа производства — между коллективным отчуждением воли трудящегося (раба) и индивидуальной — экономического продукта. Основное противоречие феодального строя, в котором индивидуальное отчуждение экономического продукта соответствует индивидуальное же отчуждение воли, заключается согласно В. В. Крылову, в следующем. По мере развития феодализма отношения отчуждения все больше формируются по поводу «внешней» (к земле, а не «внутренней» — тело человека) воли. Это было следствием роста значения земли как фактора производства ввиду усовершенствования искусственных орудий труда. Экономические отношения поземельной собственности носили индивидуальный характер, внеэкономические — коллективный (земля, которая может быть в индивидуальной собственности как орудие производства, всегда предполагает коллективную собственность как всеобщее условие производства)³³.

Логико-историческая типология В. В. Крылова, разработанная им главным образом в неопубликованных рукописях и обнародованная в ряде выступлений в начале 70-х годов, представляет собой творческое развитие мыслей Маркса, изложенных в «Формах, предшествующих капиталистическому производству», причем если Маркс сконцентрировался в основном на социальных принципах трех форм *Gemeinwesen*, то В. В. Крылов логически продолжил эту работу и вскрыл механизм самоотрицания этих форм и превращения их в негативные формы — классовые докапиталистические способы производства. В дедуктивной логико-исторической типологии В. В. Крылова убедительно показано, как каждый последующий докапиталистический способ производства является логическим снятием противоречий предыдущего и как он, порождая соб-

ственные противоречия, в то же время характеризуется все более индивидуализирующейся и ограниченной формой отчуждения личности. Дойдя до определенного предела, этот тип, характеризующийся непосредственной властью над личностью, уступает место другому, при котором эксплуатация реализуется посредством вещных, экономических (в узком смысле) отношений, причем эксплуатируемый (а в определенной степени и эксплуататор) не является субъектом по отношению к накопленному труду. С этой точки зрения все классовые докапиталистические способы производства стадийно, диахронно противостоят капиталистическому, причем в совокупности (на основе различия в системах производительных сил), а не по отдельности.

Эта типология, демонстрирующая стройную логико-историческую схему, оставляет, однако, открытыми некоторые вопросы, касающиеся перевода ее, во-первых, из статики в динамику, во-вторых, из диахронии в синхронию, в-третьих, из логико-исторической сферы в историко-логическую. Указанная типология представляет ряд способов производства, каждый из которых логически, теоретически является снятием противоречий предыдущего. Однако исторически, за исключением появления капитализма в результате разложения феодализма, нет непосредственной социально-экономической преемственности, укладной генетической связи между феодализмом и рабовладением, с одной стороны, и АСП и рабовладением — с другой. Более того, общества АСП существовали синхронно и с антично-рабовладельческими, и с феодальными, и с капиталистическими. А вот возникновение соответственно капиталистического и феодального обществ означало конец стадийно ему предшествовавшего или его сохранившихся элементов. Как это объяснить с точки зрения линейной типологии? В 60-е годы Л. С. Васильев и И. А. Стучевский³⁴ попытались вслед за Э. Хобсбоутом решить эту проблему путем полного отказа от признания стадийности трех докапиталистических способов производства и провозглашения их рядоположенности. Здесь, однако, есть две неувязки. Во-первых, как показывает типология В. В. Крылова, между тремя способами производства существует несомненная стадийная логико-историческая преемственность, которую не в силах отменить синхронная рядоположенность. Во вторых, феодализм возник после разрушения антично-рабовладельческого общества, унаследовав некоторые его элементы, правда, это менее важно. Значительно важнее другое — и это-то и поможет снять противоречие между логической однолинейностью развития и исторической многолинейностью. Сделать это поможет историко-логическая модификация типологии В. В. Крылова в соответствии с иным принципом, чем тот, что был положен в ее основу.

³² Не путать с тоталитарной властью, которая есть явление европейское или результат воздействия европейских (буржуазных) порядков на неевропейские (добуржуазные) и которая представляет собой объединение «под одной крышей» ранее обособившихся сфер власти — экономической, политической, идеологической. На Востоке же эти сферы вообще еще не обособились, равно как не произошло полного взаимообособления из единого целого базиса и надстройки, классовости и государственности.

³³ Крылов В. В. Азиатский, античный и феодальный строй как прогрессивные стадии натурального хозяйства и традиционного общества. М., 1972. С. 2, 5, 7 (рукопись, предоставлена мне автором).

³⁴ Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме азиатского способа производства) // Вопр. истории. 1965. № 5.

Ясно, что и в «линейке» и в «многолинейке», т. е. при любом подходе, особняком от других способов производства стоит АСП. В чем дело? Прежде всего в том, что классовые способы производства распадаются на две группы — по макросоциальному, универсальному принципу отчуждения субъектности.

С одной стороны, антично-рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства, в которых отчуждение субъекта носит частичный характер: у человека похищается «часть» его субъектности, несколько или хотя бы одна сфера ее проявления. В результате в другой или в других сферах так или иначе человек выступает как субъект, поэтому общество в целом фиксирует свою субъектность, которая каждый раз не совпадает с системностью (т. е. конкретной формационной определенностью) общества, не исчерпывается своими системными, формационными характеристиками; в нем постоянно присутствует субъект, причем не только в своей частной, системной, но и в универсальной, несистемной форме³⁵. Общества такого типа формируют стадиальный и одновременно исторический, т. е. диахронно-синхронный ряд, который можно определить как субъектный и который характеризуется увеличением субъектного потенциала как общества в целом, так и индивида в отдельности. Это увеличение есть реализация еще одной особенности этого ряда — принципиальной возможности существования внутри него стадий и перехода от одной стадии к другой.

С другой стороны — «азиатский» способ производства, где отчуждение воли (личности) носит коллективный и «поголовный» (тотальный) характер, а субъект выносятся за рамки общества. В результате последнее полностью исчерпывается своими системными (формационными) характеристиками. Здесь субъект — в своей социальной незафиксированности — совпадает с системой растворяется в ней. В этом смысле общества «азиатского» способа производства — это наиболее заверченный с точки зрения системности, внутренней интегрированности и степени разрыва с предшествующим типом социальности формационный тип общества. Это отличает его от менее интегрированных обществ субъектной ветви развития. Отсутствие противоречия между системностью и субъектностью (его место занимает противоречие между системностью и антисистемностью) не делает ни необходимым, ни воз-

³⁵ Разумеется, саму «несистемную субъектность», которой не исчерпывается субъектность общества, не следует рассматривать как несистемную субъектность вообще — это так лишь с точки зрения общества вообще и формации вообще. Что же касается каждого конкретного случая, за исключением первобытного, доклассового общества, где субъектность и системность находятся в нерасчлененном единстве и не обособились друг от друга, то здесь дело обстоит так. Несистемность здесь, во-первых, то, что (логически) было формационностью в стадиально предшествующем обществе; во-вторых, борьба уже обогащенного потребностями классовых субъектов (поэтому универсальная субъектность, родовая сущность человека в классовом обществе не одно и то же, что родовая сущность в доклассовом обществе) против социальной системы, хотя и не во всех аспектах этой борьбы.

можным стадиальные ломки в рамках развития данной социальной системы. Выступая социально в качестве «голой системности», данный тип общества лишен (специфически формационных для него) противоречий между системностью и субъектностью общества и противоречий между этими характеристиками внутри как системы, так и субъекта. Перед нами особый — системный — тип развития. Раз возникнув, общество этого типа может существовать тысячелетиями без нарушений своих социосистемных констант и регенерировать свою структуру после внутренних потрясений, нашествий кочевников и т. д. (единственная реальная угроза природного порядка для него как для особой модели — это столкновение с более сильным «антимиром», т. е. обществом субъектного ряда).

Правомерность выделения двух этих рядов (линий) подтверждается не только теоретически, но и исторически. Не зафиксировано ни одного доказанного случая спонтанного возникновения антично-рабовладельческого или феодального способа производства не только из разложившегося «азиатского» способа производства, но даже на его руинах (как это имеет место в отношениях между феодализмом и антично-рабовладельческим способом производства при всей социальной безысходности последнего). Напротив, антично-рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства связаны между собой историко-генетически (между капитализмом и феодализмом эта связь достаточно тесная, между феодализмом и антично-рабовладельческим способом производства она намного слабее, но тем не менее существует и воплощена в христианстве — как культурно-цивилизационно, так и политически). Кроме того, возникновение соответственно античного, феодального и капиталистического способов производства либо устраняло и разрушало предшествующий, либо происходило уже после его разрушения, т. е. исторически эти способы производства соотносятся друг с другом во времени. К тому же их возникновение никогда не отменяло «азиатского» способа производства, существовавшего как до их возникновения, так и после него, т. е. они соотносятся с ним исторически не столько во времени, сколько в пространстве.

Таким образом, если «азиатский» способ производства как способ производства логически стадиально предшествует антично-рабовладельческому, феодальному и капиталистическому, то как тип общества, представляющий в своем «укладном одиночестве» для целого ряда регионов мира всю вторичную классовую макроформацию, он рядоположен антично-рабовладельческому, феодальному и капиталистическому способам производства, т. е., будучи взяты логически в качестве способов производства, докапиталистические общества соотносятся друг с другом диахронно; будучи положены исторически и в качестве двух макроформационных типов, особых вариантов вторичной макроформации, общества АСП и «европейского набора» — но не по отдельности, как полагали Хобсбаум, Васильев и Стучевский, а только в совокупности — не только син-

хронны, но и рядоположены друг другу³⁶. Следовательно, с точки зрения столь фундаментальной характеристики, как состояние субъекта в обществе, принцип и степень его отчуждения, вторичная макроформация распадается на два исторически синхронных, но типологически противоположных потока, которые можно назвать субъектным и системным. Первый представлен тремя способами производства, ограничен (по крайней мере, генетически) одним регионом — Европой и представлен, по сути, двумя цивилизациями. Второй представлен одним способом производства — «азиатским», распространен в ряде регионов мира и представлен несколькими цивилизациями.

Выделение в рамках вторичной макроформации двух конкретных формационных линий (ветвей, типов) развития соответствует и общему закону разделения (дивергенции) различных форм движения материи (и их подформ) на перспективную, выводящую организацию на более высокий уровень, и неперспективную и позволяет зафиксировать его специфическую для классового общества форму. В каждом из этих двух типов по-разному реализовалась субъектность, по-разному отрицалась (и использовалась) предшествующая доклассовая формация, ее законы и формы социальности.

VI

В доклассовом (первобытном) обществе, где происходит становление родовой сущности человека, система и субъект как таковые не существуют; есть некое единство, целостность, которая тождественна самой себе и в которой растворены субъектность и системность. В доклассовом обществе нет иной системы и нет иного субъекта, чем общество в целом, специфическими формационными законами здесь выступают законы «естественной» («общей») и однородной социальности, т. е. законы взаимодействия групп и индивидов, не ограничиваемого институтами цивилизации и классового общества. Нет здесь и разделения на специфическую и универсальную социальность, которые растворены в естественной социальности и существуют (равно как и субъект, и система) лишь в качестве положительного потенциала, резервуара различных возможностей.

Движение человечества, точнее части его по субъектной линии развития, начинающееся с античной революции и антично-рабовладельческого строя, означает разлом доклассовой целостности на субъект и систему и естественной социальности — на исторически-специфическую и универсальную. И сам субъект начинает выступать в двух лицах — частном («системном», рабовладельческие отношения) и универсальном. При этом частные, специфические формы субъектности (и социальности) носят для данного об-

щества позитивный характер, а сопротивляющаяся ей универсальная (стремление человека перестать быть рабом или вообще выйти за рамки данного общества) — негативный. Таким образом, с самого возникновения субъектного варианта вторичной макроформации (после того как положительный потенциал субъектности, существовавший в доклассовом обществе, актуализируется в качестве негативной универсальной социальности — антисистемной субъектности) универсальная социальность существует в нем как негативная. С возникновением античного полиса и антично-рабовладельческого способа производства на историческую арену впервые вышло общество, социально зафиксировавшее себя в качестве субъекта. Ценой этого, однако, стало превращение одной части общества в несубъектов, в вещь.

Совершенно иначе обстояло дело в АСП, генезис которого означал старт развития другой части человечества не только в совершенно ином направлении, но и в совершенно иной плоскости³⁷. Возникновение АСП также предполагает разлом общественной целостности на субъект и систему — появляются эксплуататоры и эксплуатируемые, однако масштаб отчуждения воли, десубъективации, необходимый для «запуска» эксплуатации в тех условиях, в которых сформировалась азиатская форма *Gemeinwesen*, столь велик — тотален, — что с точки зрения волевых (субъектных) отношений требует тотального отчуждения (по сути — самоотчуждения) общества, вынесения субъекта за его рамки. Поскольку субъект выносится за рамки общества и оно десубъективировано *в целом*, то это общество оказывается «голой» («абсолютной») системностью; субъектность — в своем отсутствии и посредством такового — совпадает здесь с системностью. Поэтому здесь нет как реализующегося в общественных отношениях специфически формационного для этого типа общества несовпадения (и противоречия) между субъектом и системой (его место, нишу занимает противоречие, конфликт между различными социальными группами, но не столько как субъектами, а как прежде всего системными и не-системными элементами или как элементами с разной степенью системности, любой исход столкновения между которыми в конечном счете укрепляет систему, которая как бы захлопывает все возможные варианты выхода из нее и превращается в своеобразную социальную «черную дыру», по сути не знающую ни прошлого, ни будущего, а только вечное настоящее).

Положительная возможность субъектности, содержащаяся в доклассовом обществе, в условиях АСП не может быть актуализирована: тотальное отчуждение превращает позитивный потенциал, положительную возможность не в позитивную (или негативную) актуальность, а в негативный же потенциал. На практике это озна-

³⁶ Об этом см.: *Фурсов А. И.* Китай в новое и новейшее время: господство традиции или «развитие слабразвитости»? // Критика концепции зависимого развития. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. С. 154 и далее.

³⁷ В нынешних размышлениях меня интересует прежде всего «субъектный», западный поток вторичной макроформации. Однако его, а также то, что происходит в ходе его развития с субъектностью, родовой сущностью человека, можно лучше понять по контрасту с «системным», «азиатским» вариантом.

чает тотальное отрицание субъектной потенции в общественных отношениях. Доклассовое общество в целом здесь как бы «выворачивается наизнанку» (в отличие от субъектного варианта, где одна часть общества «выворачивает наизнанку» другую); отношения людей, генетически возникшие в рамках доклассового коллектива, используются в АСП в их тотальности как бы извне (от имени вынесенного за рамки субъекта) в качестве средства классовой эксплуатации.

Системное общество парадоксально. Если с точки зрения системности оно многим отличается от доклассового (универсальная системность вместо системности невычлененной и растворенной в естественной социальности), то с точки зрения состояния субъектности — мало чем: в обоих случаях субъектность существует лишь в качестве возможности. Правда, в одном случае она существует положительно, как еще не актуализированная, в другом — как уже свернутая и лишенная возможности к актуализации, как самовоспроизводящееся самоотрицание. (С европейской точки зрения — это система воспроизводства нереализованных возможностей.) В этом одна из причин трактовок общества типа «азиатского» способа производства как переходного к классовому, хотя переход этот никогда не завершается, и историки пишут о его «самовоспроизводстве»³⁸. На самом деле это не переходное общество, а общество, которое развивается в иной плоскости, чем европейский формационный ряд, это своеобразное «формационное зазеркалье». В зависимости от угла зрения системный тип общества может выглядеть и как во многом еще эгалитарный и справедливый мир не ставшей классовости (например, инки), и как полная и тотальная система бесправия и неравенства, установившаяся раз и на крайне длительные исторические сроки. Ведь единственное сопротивление, которое ощущает это общество и которое в нем возможно, — сопротивление самому себе, в конечном счете — ввиду использования для осуществления эксплуатации законов и норм «естественной» социальности — это сопротивление человека собственной человеческой природе, не противостоящей ему в качестве субъекта. Основное средство (само)отчуждения и эксплуатации здесь — это родовая человеческая сущность в ее исходной («естественной») социальности, не расчлененной на позитивные и негативные элементы и не обогащенной ни позитивно, ни негативно никакой специфической, частной формой субъектности или системности. Дифференциация не приобретает здесь институционально-автономного характера, скорее это сегментация одного качества. Поэтому, например, власть выступает здесь не как политическая, а как всеобщая нерасчлененная социальная власть, тотальная власть «натуральной социальности», вынесенная за рамки обще-

ства, которая господствует над ним в виде безличной или звероподобной силы.

Не случайно, что сам прорыв субъекта в историю, в социальную систему зафиксирован «идеологически» (в античной мифологии) в победе антропоморфных олимпийских богов над титанами (стихийные силы природы — Океан, Кей, Гиперион и др.) и зооморфными гекатонхейрами³⁹, а также в подвигах Геракла (особенно в победах над Эриманфским вепрем и Лернейской гидрой). Меняются отношения антропоморфных богов и с мировым законом, символизирующим вынесенность субъекта за рамки общества: если в греческой мифологии на рубеже VI—V вв. Зевс еще подчиняется Ананке (судьба, рок), то на рубеже V—IV вв. Зевс подчиняет себе и рок⁴⁰. Появление субъекта в античном мире создавало (теоретически) возможность его индивидуализации, которая, однако, не была реализована самим антично-рабовладельческим обществом (по крайней мере, положительно), а возникла в общественной практике в виде его отрицания — в христианстве.

В основе того, что в классической античности не была реализована возможность индивидуального субъекта, лежали два обстоятельства. Первое: коллективное отчуждение воли рабов как «одинокой толпы» атомизированных индивидов требовало наличия особого коллектива — полиса, в качестве коллективного субъекта, блокировавшего социальное оформление индивидуальной субъектности. Индивид выступал не как личность, а как микроколлектив, «микрполис»; над индивидуальным началом господствовало коллективное — специфически социальное⁴¹. Контроль коллектива над индивидом в полисе проявлялся, в частности, и в преимущественной ориентации члена полиса на одобрение и отрицание («культура стыда»), а не на соответствие или несоответствие поступка внутренней системе ценностей⁴² (отсюда — проблема Сократа).

Второе обстоятельство, ограничивавшее проявление индивидуальной субъектности природно-телесными формами, действовало двояким образом. Во-первых, граждане полиса должны были быть физически готовы к подавлению рабов и к войнам с другими полисами. Во-вторых, отчуждение человека в его телесности на одной стороне создавало обостренное внимание к человеческому телу на другой, оно превращалось в социальную ценность. В результате в центральном принципе античной эстетики, идеале — калокагатии (гармония физического и духовного в человеке) произошел социоморфический по сути сдвиг в сторону физического совершенст-

³⁹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 5—6.

⁴⁰ Лукаш И. Пути богов: К типологии религий, предшествовавших христианству. М., 1984. С. 134.

⁴¹ Специфически — потому что полис, как и любая другая форма социальности докапиталистического типа, выступает как естественная общность — *Gemeinwesen* — своего рода «природная» («досоциальная») социальность.

⁴² Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 76.

³⁸ Не увенчались успехом и попытки трактовать его как «раннерабовладельческое» или «раннефеодальное». При сохранении логики и понятий теории Маркса это, по моему глубокому убеждению, вообще невыполнимая задача (см.: Фурсов А. И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // Народы Азии и Африки. 1987. № 4).

ва — до такой степени однобокости, что исследователи говорят о «спортивном идиотизме» греческой жизни⁴³: фактором, теоретически объединявшим греческие полисы на практике, были «праздники тела» — олимпийские игры (правило прекращения военных действий на время игр нередко нарушалось, но никогда не оспаривалось). Таким образом, исторически первой формой проявления субъектности была коллективная; индивидуальная субъектность не была реализована; особый коллектив (полис) и особый объект эксплуатации (раб) «посадили» субъекта в коллективную и телесную «клетку». В известном смысле, антично-рабовладельческий строй (речь идет об идеальной модели) возник как противоестественная форма, не только основанная на более остром противоречии, чем «азиатский» или феодальный способы производства, но и требовавшая в качестве условия своего развития усиления каждого из элементов, т. е. обострения этого противоречия: чем индивидуализированнее становилось отчуждение экономического продукта, тем более коллективистскую форму должна была принимать организация отчуждения воли, чью коллективность как раз и расшатывала указанная индивидуализация. Это противоречие стало основой и блеска, и исторической обреченности античного общества: развитие динамичных тенденций исходно было обусловлено сохранением и укреплением статичных, и чем сильнее развивались первые, тем больше была потребность в исторически слабейших вторых. Это противоречие связано и с чисто исторической спецификой антично-рабовладельческого способа производства. Объективно уровень искусственных производительных сил, необходимый для формирования классовой системы на основе индивидуального создания экономического продукта и перехода к отчуждению внешних по отношению к человеку объектов — земли, впервые достигается в ходе и в результате аграрно-технологической революции VIII в. и реализуется в виде феодализма. До этого «потолком» в социально-политической организации Барбарикума был поздневарварский вариант «гомеровского» типа. (Поэтому, в частности, кельты так и не создали своей государственности и Рах Caeltica так и не превратился в нечто похожее на империю Карла Великого). Центральные области Барбарикума должны были ждать своей классовой и государственности вплоть до VIII в. Что же касается периферийных районов Барбарикума — а для него это были прибрежные районы, — разумеется, прежде всего тех, которые к тому же были и периферией более развитых (ближневосточных) обществ и цивилизаций (речь, конечно же, идет о средиземноморской Европе, прежде всего о Греции), то здесь еще за полторы тысячи лет до «феодального прорыва» сложились условия, когда племенное общество европейского типа получило историческую возможность классового рывка, — но не посредством помещения между собой и природой адекватных искусственных орудий труда, а путем использования вместо них живого

человека, его силы, т. е. раба. Железная революция и выгодное положение в рамках региональной системы производительных сил и производственных отношений, способствовавшее притоку человеческой массы, которую можно было превратить в говорящее орудие, привели к тому, что социальная организация «гомеровского» типа, аналогичная поздневарварским предфеодалным формам, начала развиваться в иную, чем те, сторону: народное ополчение победило аристократическую дружину, терситы взяли верх над еще недавно унижавшими их одиссеями (разумеется, верх взяли не везде и не всегда в полной степени, речь идет об идеальной модели; а в реальности, помимо Афин и Коринфа, существовали Спарта, Беотия, Рим и др.). Однако присвоение в качестве орудия труда индивида, раба, потребовало модификации социальной организации — упрощения социального орудия этого присвоения, т. е. коллектива особого рода. Отсюда — полис. Короче, ценой антично-рабовладельческого пути для индивидуализированных европейских групп стала их реколлеktivизация. С точки зрения общеисторической, т. е. по сравнению с системами «поголовного рабства», это был стадийный шаг вперед; с точки зрения истории локально-европейских форм социальной организации это был шаг назад, который пришлось сделать и уплатить в качестве цены за «билет в классовость». В результате человек выступал не столько личностью, сколько социальным индивидом.

Но это же противоречие как уникальный социоморфический принцип поставило перед антично-рабовладельческим обществом такие и в столь острой форме проблемы, которые не были известны ни стадийно «дорабовладельческим» обществам, ни в значительной степени феодальному обществу. Это, прежде всего, противоречия между коллективом и индивидом, телом и духом, конечностью и бесконечностью. Античное общество, его культура задавали систему координат самоотрицания; и хотя представление о том, что христианство представляет собой лишь отрицание, негатив античной религии и идеологии (это так в отношении кинизма) — упрощение, христианство сняло противоречия античности качественно, на более высоком уровне, в основе этого в значительной степени лежит смещение акцента на «безударные» элементы культурной оппозиции античного общества. Так, противоречие между индивидом и коллективом как социальным субъектом сняты в личности, т. е. в индивиде, который становится субъектом и из социального индивида превращается в личность. С возникновением христианства логически завершается кризис, начатый Сократом разделением социально значимого «мы» на «я» и «они».

В религиозной сфере личность (Христос) отодвинула коллектив социальных индивидов (олимпийских небожителей), и вместо создания богов остался один, и в этом смысле действительно суперзвезда — Иисус.

Христианство сместило акцент с тела на душу и эстетике прекрасного тела (в отличие от киников с их «изнаночно-античным»

⁴³ Назов И. М. Книжечная литература. М., 1981. С. 21, 22.

культом безобразного тела⁴⁴) противопоставило эстетику духа. Противоречия между подходами античной и христианской культур к телу, духу и божественности наиболее остро зафиксированы в споре Цельса и Оригена, а в самой христианской традиции отразились в разных оценках возраста и внешнего облика Христа⁴⁵.

Символом снятия противоречий античной социальности (в самом широком смысле слова) выступает в христианстве троица — триединство Бога. Третий элемент символизирует снятие противоречий между всеми оппозициями, суммарно выражающимися в оппозиции «божественного» и «человеческого» («снято» в «святом духе» как в чем-то качественно новом⁴⁶).

Если противоречия античного строя в сфере духовной, религиозно-идеологической были сняты христианством, то в сфере социально-экономической — спустя почти тысячелетие с момента возникновения последнего — феодализмом⁴⁷. Тогда как в христианстве человек впервые выступает в качестве индивидуального субъекта, личности, в сфере духовной, религиозной, то в феодализме впервые в истории человек, хотя вначале и негативно, выступает как индивидуальный субъект волевых отношений: отчуждение не только экономического продукта, но и воли носит здесь индивидуальный характер. Однако, несмотря на исходный индивидуализм, феодализм тоже ограничил проявление индивидуальной субъектности как негативно (отношения отчуждения воли), так и позитивно (корпоративный строй в городе, воспроизводивший германскую форму *Gemeinwesen*). Средствами ограничения выступали специфические для феодализма формы коллективности — корпорации как союзы, объединения индивидов (социальная репликация германской формы *Gemeinwesen*). Однако и структура этих «ограничителей», и характер собственности (не только на человека, но со временем и на внешние для человека объекты), и господствующая религия индивидуализированного субъекта — христианство — все это при ряде необходимых и достаточных условий создавало возможность реального, а не формального разложения общества, т. е. более эволюционного — по сравнению с предыдущими обществами — перехода к иной форме.

Особо важную роль сыграло то, что при феодализме произошло раздвоение субъекта (и системы), впервые социально

зафиксировавшее пространственное разделение труда между городом и деревней. Противоположность между городом и деревней впервые становится социальным двигателем развития, что резко ускоряет и динамизирует последнее: «В средние века (германская эпоха) деревня как таковая является отправной точкой истории, *дальнейшее развитие которой* протекает затем в форме противоположности города и деревни» (курсив мой. — А. Ф.)⁴⁸.

Цеховой строй в городе во многом воспроизводил феодальный строй в деревне, однако в очень важном отношении отличался от него: решающую роль в нем играла собственность не на живой труд и не на землю, а на такой внешний объект, который есть продукт труда, вещь. Поэтому личные отношения, сохраняясь, не приобретали характер отчуждения, а обретали позитивную характеристику («позитивные личные отношения» — В. В. Крылов). Будучи определенным типом производственных отношений, корпоративный строй средневекового города не превратился в особый способ производства. Во-первых, он не имел адекватной ему вещественной формы организации социальных производительных сил — системы, отличной от натуральной и индустриальной. (Короче, это было отрицание феодализма на основе последнего.) Во-вторых, корпоративный строй, «город мастеров», существовал не в социальной вакууме, а в рамках феодальной системы. Преодолевая ее внутри себя, он не мог не воспроизвести ее в отношениях с внешним для него миром, прежде всего в отношениях с деревней. Не случайно там, где город в конце средних веков победил деревню, капитализм не прошел, началась рефеодализация, а ренессанс и гуманизм выродились в контрреформацию.

Однако средневековый город как второй лик феодализма («брат мой — враг мой») сыграл огромную роль в развитии феодальной системы и генезисе капитализма. Противоречие двух субъектов вызвало такой взрыв субъектной энергии, такую социальную революцию, которая, начавшись Реформацией «в мозгу монаха», окончилась становлением капитализма. Реформация была реакцией сельского феодального субъекта на средневековую городскую субъектность. Она родилась в маргинальной, промежуточной между ними зоне и стала активным выражением противоречий между ними — как социальных, так и культурных (похоже, что в изолированном состоянии эти субъекты — в лице схоластики, с одной стороны, и ренессансного гуманизма — с другой, зашли бы в тупик). И все же решающей, активной стороной в процессе Реформации представляется деревня. Новоевропейский субъект вырос не из прекрасных образов живописи Возрождения, а из другого человеческого материала, зафиксированного в уродах и инвалидах Босхом и Брейгелем, и это показательно.

Максимально — с точки зрения докапиталистического общества — индивидуализированный и дифференцированный инсти-

⁴⁴ *Нахов И. М.* Философия киников. М., 1982. С. 158.

⁴⁵ В Евангелии от Луки он молод, прекрасен, ему тридцать три года (реликт античной культуры); в Евангелии от Иоанна он хил, немощен, и ему за пятьдесят лет (Евангелие от Луки, 3; 23; Евангелие от Иоанна, 8, 57. Библия. М., 1979).

⁴⁶ *Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922. С. 32.

⁴⁷ И хотя между крушением античного строя, безысходного по своей формационной сути, и становлением феодализма прошло как минимум пять веков, между ними существует несомненная преемственность. Во-первых, это христианство и характерный для него тип человека (индивидуального субъекта), определенный комплекс социальных и духовных производительных сил, среди которых были довольно сильные элементы античного происхождения. Во-вторых, социально-политическая организация церкви, смоделированная по образу и подобию Римской империи.

⁴⁸ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1861 гг. Ч. 1. С. 475.

туционально феодализм оказывался таким строем, отрицание которого содержало в себе, в отличие от стадияльно предшествующих ему способов производства, возможность выхода за качественные «докапиталистически» рамки. Так же, как теологическое мировоззрение и христианская теология, в отличие от всех других религий, были негативным источником политико-юридического мировоззрения и юрисдикции (не случайно самым весомым вкладом Реформации в европейскую цивилизацию называют политико-правовой⁴⁹), социально-экономический строй феодализма, в отличие от других способов производства, был негативным источником капиталистического социально-экономического строя. Однако между негативом и позитивом в качестве средства их взаимодействия — социальный, субъектный взрыв, революция, которую по ее значению Маркс приравнивал к возникновению христианства.

Субъектность становится важнейшей системной чертой капиталистического общества, как генетически, так и функционально (по крайней мере, полностью для эпохи капитализма свободной конкуренции); как позитивно, внутрисистемно (сам капитализм), так и негативно, внешнесистемно (антифеодализм). Все это «встраивает» ценности индивидуального субъекта в капитализм до такой степени и глубины, что их из него практически почти невозможно вырвать (по крайней мере, там, где, во-первых, капитализм не только способ производства и формация, но и цивилизация; во-вторых, там, где он развивался и развивается как органический элемент европейской цивилизации). Однако в то же время формационный капитализм, в условиях которого, согласно Марксу, производство впервые стало социальным и социальные производительные силы впервые высвободились из природного плена, придал субъектности исключительно объектную, предметно-вещественную форму (господство овеществленного труда над живым, реификация производственных отношений, формирование индустриальной системы производительных сил). Проявляется это по-разному. Например, замечает И. Валлерстайн, логика (т. е. система) капиталистического производства требует вложений исключительно в производство и, как следствие, аскетического потребления (этика Кальвина). В то же время психология капитализма (его агенты — живые люди и хотят потреблять, жить в роскоши, благо есть «демонстрационный эффект» — аристократия перед глазами) предполагает значительные траты⁵⁰. Буржуа снимает это противоречие, стремясь аристократизироваться, т. е. купить землю и получать с нее ренту, обрести права на какую-либо монополию. Если перевести это в сферу «субъектно-системной» проблематики, то получается интересная вещь, проливающая новый свет и на экономику, и на политику, и на культуру последних столетий. Чтобы реализовать себя в ка-

честве субъекта и преодолеть рамки капиталистической системности, капиталист должен делать это посредством форм системности, стадияльно предшествующих капитализму и потому же не являющихся таковыми, утративших системные характеристики. Аристократизация буржуа есть средство реализации субъектности как собственника вообще. В отличие от верхушки буржуазного общества низы и средние слои такой возможности практически не имеют.

Под этим углом зрения чуть в ином свете предстают причины и цели (по крайней мере, субъективные) конфликтов буржуазного общества. Парадокс? Быть может, но это не единственный парадокс субъектного ряда вторичной макроформации. Не менее парадоксально — и закономерно — другое: развиваясь как буйство субъектной активности по отношению к природе и десубъективируемой социальности, европейский вариант развития вырабатывал удивительно объектное отношение к миру, объектный и системный взгляд на него, что со всей четкостью оформилось и проявилось в науке XIX в.

В системной ветви этому парадоксу есть свой, симметричный: исключительное внимание в религиозно-этической мысли Востока к внутреннему миру человека как субъекта. Внутренне, по своей родовой сущности, человек остается субъектом даже тогда, когда его субъектность, растворенная в коллективности, вынесена за рамки общества и он не может социально зафиксировать ее в отношениях с внешним миром, прежде всего — в производственных отношениях. Поэтому если в субъектном (европейском) варианте вторичной макроформации субъектность проявляется в сопротивлении прежде всего внешним силам (природным и социальным) — они в принципе подконтрольны человеку, то в системном варианте проявление субъектности направлено внутрь человека. Поскольку «специфическими» законами данного типа общества являются законы «естественной социальности», то процесс сопротивления им человека представляет собой стремление установить полный (тотальный) контроль человека над своей «естественной» социальностью, т. е. над самим собой в качестве психосоциального существа, — йога, различные формы медитации, мистика (в частности, суфизм). Иными словами, тотальному отчуждению внешних форм проявления субъектности противопоставляется тотальная же форма самореализации через внутреннее проявление субъектности, внимание к внутреннему миру человека как нерасчлененности духа и тела. Это внутреннее сопротивление и рождает специфический для системной ветви тип субъекта и тип личности, который появляется не столько из взаимодействия индивида с себе подобными, сколько из взаимодействия с самим собой («внутренняя субъектность» в отличие от преимущественно внешней европейской). Здесь субъектность (и даже личностность) появляются не в результате снятия противоречия между классовостью и неклассовостью в обществе, а посредством процесса, противоположного по своей направлен-

⁴⁹ *Философия эпохи ранних буржуазных революций*. М., 1983. С. 181.

⁵⁰ *Wallerstein I. The bourgeois (ie) as concept and reality // New left review*. 1988. N 167. P. 101.

ности тотальному отчуждению⁵¹. Погруженность в себя по сути оказывается единственным способом реализации личностной общности. Если в рамках европейского опыта личность (personality) — это некая замкнутая монада с самодовлеющим индивидуальным внутренним сознанием и опытом, то в системном варианте дело обстоит иначе. Так, согласно китайской концепции личности «жэнь», акцентируются именно те слои сознания и опыта человека, которые реализуются в общении, т. е. через коллектив⁵². Иными словами, если «субъектная» личность — это «текст», то «системная» — «контекст», т. е. не личность, а социальный индивид.

Различие между двумя вариантами зафиксировано на самом фундаментальном уровне — в постановке и решении вопросов знания и бытия. Восточная мысль акцентирует единство, западная — противоположности, борьбу. Западный процесс познания идет от частного к целому (в европейских языках этимологически глаголы со значением «понять» восходят к латинскому *comprehendere*, что означает «сложить», «собрать»), восточный — от целого к части (например, по-японски, «быть понятым» и «разделить» — «вакарэру» — имеют один корень⁵³).

Наконец, западный подход предполагает возможность решения проблем общества в посюсторонней жизни — путем его переустройства, но здесь его подстерегают две ловушки. Во-первых, переустроенная социальная реальность, концентуализируемая в виде Утопии и помещенная в будущее, есть по сути, что бы ни думали сами авторы утопий, не что иное, как данная социальная реальность, очищенная от «искажающих» ее негативных субъектных проявлений. Однако устранение последних как в теории, так и на практике ведет не к торжеству позитивной субъектности, а к «голой» системности⁵⁴.

Во-вторых, дробный, дифференцированный характер реальности накладывает отпечаток на цели и ценности, которые ввиду этого могут приобретать тоже дробный и ускользающий характер. Поэтому стремление обрести что-либо в полной мере — например, свобо-

ду — оказывается недостижимым в своей неполноте (что-то постоянно ускользает) и логически ведет к нигилизму, т. е. уничтожению или полному отрицанию субъектности, что опять же есть «голая» системность. Правда, и «восточный» вариант решения социальных проблем — уход в себя от реальности — тоже ограничен, ибо, уходя в себя, мудрец тянет за собой (в снятом виде признания единства тела и духа, а только в такое целостное единство можно уйти) мир, от которого уходит, поскольку это единство — его сущностная особенность. И нужен огромный потенциал субъектной энергии, чтобы оторваться от «системной» тени. На мой взгляд, в «системном» потоке вторичной макроформации такие примеры демонстрирует преимущественно Индия.

Таким образом, доведение до логического (системного) конца решения проблем субъектного и системного вариантов развития ведет к самоотрицанию этих обществ и превращению их в свою противоположность⁵⁵.

В исторической реальности, которая есть единство системы и субъекта, такого, однако, не происходит: в одном случае субъект ограничивает систему, в другом — наоборот.

VII

Если говорить о типологических, специфических для «субъектной», европейской ветви вторичной макроформации чертах, то в глаза сразу же бросается обилие революционных потрясений, несколько раз приводивших к формационным сдвигам, т. е., помимо прочего, к качественному изменению субъектности. Будучи раз выпущенным «из бутылки истории» («антично-рабовладельческая революция»), джинн — субъект — уже постоянно ломал рамки давящей на него социальной системности, раздвигая их, обретая все новые и новые грани и измерения: возникновение христианства, генезис феодализма, генезис капитализма, приведший к возникновению качественно новой исторической системы — «мировой европейской экономики», — вот основные революционные вехи этого потока истории.

В этом смысле история Европы — один из лучших примеров, выявленных И. Пригожиным диссипативных структур, специфика которых в том, что, будучи открытыми, они основаны на неравновесии, флуктуации. Равновесие в них — промежуточное состояние между флуктуациями, а не наоборот (как это имеет мес-

⁵¹ Здесь необходимо отметить, что характеристика одного потока развития человечества в рамках вторичной макроформации как «субъектного», а второго — как «системного» не означает для последнего отсутствия субъекта. Речь об ином. Здесь субъектность социально не фиксируется во внешних отношениях — с природой и обществом, а также внутри общества, т. е. с точки зрения производственных отношений. Она здесь — внутриличностная характеристика. Это, между прочим, наводит на мысль: быть может, сдвиги, аналогичные формационным внутри субъектной ветви, в рамках системной следует искать не столько в социальных отношениях, сколько в появлении определенных типов личностей, мудрецов?

⁵² Корнилов М. Н. Японское общество и культура: Аналит. обзор. М.: ИНИОН АН СССР. 1983. Вып. 1. С. 54.

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Или, иначе, Утопия — это мир, где внешние, объектные условия существования человека приведены в такой порядок (систему), что в субъекте нет нужды, т. е. Утопия — мир без Субъекта, поскольку историческая необходимость в нем отпадает.

⁵⁵ Правда, это не совсем так для обществ, развитие которых происходит на стыке, в промежуточной зоне между субъектным и системным потоками, и которые есть результат взаимодействия двух последних между собой (примеры — Византия, значительная часть мусульманского мира, Россия). Этот промежуточный вариант демонстрирует такой накал борьбы субъектности и системности, такие вершины субъекта и системы и такой масштаб личностей и антиличностей («системных личностей»), какого не знают субъектный и системный варианты. Анализ «промежуточного» варианта требует теоретического инструментария на порядок выше, чем первых двух; он должен теоретически выразить их взаимодействие, как позитивное, так и негативное.

то в «закрытых структурах», ср. общество системного типа). Сама устойчивость обеспечивается здесь посредством нарушения стабильности — порядок через флуктуацию⁵⁶.

История субъектной (европейской) ветви вторичной макроформации характеризуется и сформирована как особая наличием не только трех сменяющих друг друга стадийальных социальных систем (формаций), но и трех промежуточных межсистемных (межформационных) периодов, когда развитие данного общества уже (или еще) не определялось полностью законами жестко определенной конкретной формационности, тремя эпохами социальной революции (VII—VI вв. до н. э., возникновение христианства и генезис феодализма, генезис капитализма). Эти промежуточные, революционные периоды «голой субъектности» в не меньшей, чем три исторические формации, степени обусловили логику и ход европейского варианта классовой макроформации, постоянно сохраняя и даже расширяя зону действия субъектности. То, что европейское общество трижды в своей истории в формационном плане начинало с начала, трижды переживало социогенез, исходным пунктом которого является не формационно определенный («системный») человек, а субъект, не могло не наложить — в виде систем потребностей, комплексов духовных производительных сил — свой отпечаток на европейский тип развития. В нем посредством этих комплексов зафиксировалась социальная информация, отразившая тот факт, что в ходе развертывания этого типа трижды происходило внесистемное (или несистемное) полагание системы. Иными словами, неоднократная генетическая фиксация предшествования субъектности — системности не могла пройти бесследно для особенностей такой системности и ее функциональных черт.

Посредством *революции*, разрыва европейская история каждый раз начиналась как бы заново (что, однако, отнюдь не исключает преемственности) — и в этом ее *эволюционная* особенность. Не случайно, что и христианство как религия индивидуального субъекта, т. е. как религия всей субъектной линии вторичной макроформации, воплотило и актуализировало в себе этот принцип социогенеза, «спасительного упрощения», возвращения к истокам. Основой для этого служил аформалистический христианский миф, зафиксировавший идеи раннего христианства и отраженный в Писании. Его реализация позволяла индивиду или группе противопоставить себя любой иерархически структурированной системе страт, потребностей и привилегий — будь то путем ереси или создания все новых монастырских орденов в рамках ортодоксии.

Противостояние коллектива и индивида в полисе; неповторимое в других религиях по резкости противопоставление в самом индивиде божественного и человеческого, поту-и посюстороннего (а отсюда противопоставление личности и социальных порядков: «Царство Мое — не от мира сего»); (субъектное) несовпадение религиозной и государственных организаций (систем) — все это особенности субъектного целого.

Помимо нарастания субъектного (универсально-социального) потенциала, в Европе активно развивался процесс индивидуализации общества и накопления субъектного потенциала и субъектных прав у индивида. В свою очередь, это налагало особый отпечаток на другую особенность европейского развития — дифференциацию (и институционализацию ее результатов). Последняя принимала полисубъектный характер. В ходе дифференциации социальной системы, подсистемы, на которые она дробилась, приобретали субъектные характеристики. Таковыми были институты, корпорации и даже индивиды, причем в определенной степени независимо от классовой принадлежности, поскольку перед лицом Бога и феодалы, и крепостные были равными субъектами — факт, социально материализовавшийся в наличии такого института, как христианская церковь, и такой социальной группы, как духовенство.

Взаимодействие этих многочисленных субъектов, которое чаще всего было синхронным — еще одна особенность европейского развития, — ускоряло движение европейского общества в целом как внутри государственной, так и в межгосударственной сфере. Показательно, что полисубъектность характеризует и последнюю.

В отличие от Востока Европа после крушения Римской империи не знала гигантских политических монообразований, государственно-политически была гетерогенна, и попытки объединить ее в суперимперию, как правило, проваливались — это не соответствовало логике субъектной ветви развития. Неудача Карла V в создании трансъевропейской политической системы — последняя, по сути (именно накануне возникновения другой, экономической, формы объединения Европы и генезиса капитализма), попытка такого рода — не случайность, а закономерность. Поддержание многополярности было абсолютным принципом, ради которого можно было идти на союз с врагами христианской Европы (союз Франциска I с Сулейманом Великолепным после поражения при Павии от Габсбургов; за союзом последовало наступление турок и четырехлетняя осада Вены).

Полисубъектность в сфере политики и международных отношений (П. Андерсен охарактеризовал ее как «детотализацию суверенитета»⁵⁷) была среди прочего результатом дифференциации светской и духовной власти и борьбы между ними, которая, как показал, в частности, А. Зольберг, и заложила основы многогосу-

⁵⁶ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из Хаоса. М., 1986 (особенно гл. 3); Iantsch E. The self-organizing Universe: scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford, 1980. Наличие диссипативных и недиссипативных структур — фундаментальная черта мироздания. С этой точки зрения выделение субъектного и системного рядов на примере социальной формы движения материи отражает более глубокие закономерности развития.

⁵⁷ Andersen P. Lineages of absolutist state. L., 1974. P. 21.

дарственной, многополярной системы. Церковь, в ходе противоборства с империей, сыграла значительную роль в формировании централизованных государств и преодолении феодальной раздробленности там, где это было ей выгодно (Франция с XI в.)⁵⁸.

В свою очередь, борьба Англии и Франции в XIV—XV вв. способствовала политической интеграции в этих странах; при этом военные потребности привели к ускоренному росту внутренних органов (судов, казначейств), а не особых органов внешних сношений и войны. Развитие рынка военной рабочей силы требовало дополнительных расходов, которые покрывались за счет займов у ремесленно-городских слоев — отсюда рост значения парламентов, штатов и других представительских институтов.

Изменения в технологии, особенно военной, приобретшей в соответствии с логикой европейского развития собственную динамику и способность во все большей степени оказывать обратное воздействие на социальное развитие, подталкивали европейское общество в характерном для него направлении. Они вели к сдвигам в политической (упадок рыцарства), социальной (ужесточение эксплуатации и приобретение социальной структурой в большей степени классового, чем статусного, внешнего «лица»⁵⁹) и внешнеполитической сферах (окончательный раздел северо-атлантического региона Европы на две суверенные политические целостности, что не только сформировало основы межгосударственной системы Европы нового времени, но и — посредством борьбы между ними — способствовало генезису капитализма и крушению «докапиталистических» форм капитала, выступавших в союзе с Габсбургами — генуэзское и немецкое купечество).

В дальнейшем менялись агенты, но логика биполярного баланса сил сохранялась: Испания — против Англии, Англия — против Франции, Франция — против Испании. Что касается Франции, то внешнеполитические события и войны между 1625 и 1789 гг., считает Зольберг, способствовали, во-первых, приобретению французским государством самостоятельности, доходящей до деспотизма и тирании, во-вторых, созданию такой ситуации, при которой военные расходы превысили возможности системы⁶⁰, что и стало одной из причин революции.

Упрекая Валлерстайна в экономическом редукционизме, Зольберг, однако, сам впадает в редукционизм, только иной — внешнеполитический, ибо специфика французского государства, равно как и факторы, приведшие к революции, вырабатывались действием далеко не только геостратегических факторов. Тот факт, что

разные ученые, выдвигая разные концепции для объяснения специфики европейского развития, впадают в «односторонний детерминизм», по-своему отражает высокодифференцированный характер этого развития, при котором отдельные социальные сферы и группы получают автономное значение, собственную динамику развития. И ученые, фиксирующие это, правы, — но односторонне (вспомним латинское *comprendre*). Прав Зольберг, подчеркивая внешние факторы формирования «деспотического» государства во Франции. Но прав и французский специалист по политической социологии П. Бирнбом, убедительно показавший (на примере Франции, Германии и Англии), как внутренние закономерности развития государства обуславливают специфику направленных против него идеологии и коллективного действия. Во Франции, согласно Бирнбому, государство было институционализированным в высокой степени, внутренне дифференцированным и в значительной степени отделенным как от гражданского общества в целом, так и от господствующего класса. Эти особенности подчеркивали представители различных направлений мысли — Маркс, Токвиль, Прудон. В связи с этим социальное господство во Франции ощущалось прежде всего в политической сфере⁶¹. Отсюда — многоклассовая антигосударственническая политическая революция в XVIII в. и рост анархизма и анархосиндикализма в XIX в.

Бирнбом, по сути, вышел на проблему «завершенности государства» в Западной Европе, над которой в свое время размышлял Маркс. Однако сама степень завершенности (дифференцированности от господствующего класса) и институционализации этого состояния обусловлена развитием не только самого государства, но и иными факторами, в частности соотношением классовых сил в конце средневековья и конкретными результатами классовой борьбы в XVI—XVII вв. Р. Бреннер, например, показал, как в зависимости от этих результатов шло развитие того или иного общества и капитализма в нем⁶². Там, где, согласно Бреннеру, верх взяли землевладельцы (Восточная Европа), эндогенное развитие капитализма было заблокировано и общество пошло по пути «второго издания» крепостничества. Там, где был достигнут компромисс между частью сельской верхушки и крестьянством (Англия), стал активно развиваться капитализм, классы которого («гражданское общество») резко ограничили деятельность государства. Но самым интересным Бреннер считает тот вариант, где крестьянство по ряду причин оказалось сильнее феодалов (Франция), в результате чего сохранение положения последних в качестве представителей господствующего класса стало во многом зависеть от силы государства. Отсюда увеличение его мощи, «очиновливание» самой земельной аристократии и т. д. В резуль-

⁵⁸ Zolberg A. Strategic interactions and the formation of modern states: France and England // International social science journal. P., 1980. Vol. 32, N 4. P. 691 (далее: ISSJ).

⁵⁹ Pettengill J. S. The impact of military technology on European income distribution // Journal of interdisciplinary history. Cambridge. 1979. Vol. 10, N 2. P. 212, 213, 216.

⁶⁰ Zolberg A. Op. cit. P. 707.

⁶¹ Birnbaum P. States, ideologies and collective action in Western Europe // ISSJ. 1980, Vol. 32, N 4. P. 476.

⁶² Brenner R. The agrarian roots of European capitalism. P. 17—113.

тате наряду с классами-субъектами в качестве субъекта стало активно выступать государство, что стимулировалось — возвращаемся к Зольбергу — и геостратегическими факторами.

Так складывается концептуальная мозаика, отражающая развитие высокодифференцированного в социальном и институциональном отношениях общества, что подчеркивается многими исследователями. Не менее важно (но на это обращают значительно меньше внимания, одно из исключений — Ш. Эйзенштадт) то, что развитие этих обособившихся сфер шло синхронно и носило взаимоукрепляющий характер. Эйзенштадт называет это «коалесцентными (совместно-одновременными) изменениями»⁶³. Их полисубъектное и системно-дифференцированное единство противоположностей и придавало динамику европейской системе в целом. В этом смысле специфику развития европейских обществ с раннего средневековья, а быть может, и с поздней античности — и чем ближе к современности, тем больше — трудно понять в их национально-обособленном виде (в отличие, например, от императорского Китая). И характер национальных единиц и специфика их взаимодействия требуют более широкой целостности в качестве объекта для анализа внутренних причин развития. То, что с точки зрения национальной и государственной видится как внешнее, на самом деле — и в этом формационная и цивилизационная, субъектная и одновременно системная специфика европейского развития — есть внутреннее. И некоторые ученые — Ф. Бродель, Б. Ф. Поршнев, И. Валлерстайн — пытались это концептуализировать⁶⁴. Последний, хотя и не смог теоретически сформулировать качественное отличие европейской системы от иных исторических систем, в частности имперальных (в результате сам генезис капитализма у него оказывается случайным), попытался рассмотреть единство европейского развития как систему («мировой европейской экономики») — и, при всех погрешностях и противоречиях, это очень важный опыт, особенно в части общетеоретических выводов, которые сделал сам Валлерстайн и возможность которых эвристически содержится в его концепции; сведя европейские процессы в капиталистические «миросистемные» рамки и охарактеризовав европейскую систему как капиталистическую в целом, Валлерстайн создал возможность (которую он сам, правда, не всегда реализует) глубже понять элементы этой системы и уйти от автоматического и прямолинейного определения их содержания как капиталистического. Ведь тот факт, что система является капиталистической в целом, означает: все ее элементы функционально являются капиталистическими,

что, в свою очередь, значит — они вовсе не должны быть капиталистическими по своему содержанию, по субстанции. Выполняя капиталистические функции, эти элементы могут сохранять свое некапиталистическое содержание и, если речь идет о группах и индивидах, выполняя капиталистические, буржуазные функции, преследовать и реализовывать некапиталистические цели. Учитывать это особенно важно в изучении такого процесса, как революция, тем более, что в вульгарных интерпретациях как буржуазной политэкономии, так и марксизма существует тенденция отождествлять капиталистическую функцию с содержанием и обвинять в отсутствии классового подхода тех, кто этого не делает. В этом смысле капитализм подстроил ловушку любому прямолинейному и однолинейному мышлению, ибо в качестве формационной черты для него характерно — и впервые это исторически отчетливо проявилось именно в нем — несовпадение функции и содержания, функционального и предметного содержания в самой социально-экономической системе⁶⁵. Первым эту черту капитализма уловил и исследовал как особую проблему на абстрактно-философском уровне Гегель (в этом смысле он — первый философ капиталистической эпохи); Маркс перевел исследование на уровень политэкономии и социологии. Однако его наследники, не обладавшие высокой философской культурой, по сути, упустили эту проблему из виду и использовали вульгарный классовый подход в изучении капиталистической реальности. Валлерстайн очертил контуры капиталистической системы таким образом, что ее некапиталистическое социальное содержание при капиталистической функции становится довольно очевидным. Для европейского общества это весьма важно и ввиду того, что оно было высокодифференцированным; в нем даже в буржуазную эпоху, помимо буржуазии и пролетариата, существовали земельная аристократия и крестьянство, бюрократия и те, кого называют «низами среднего класса». Все эти группы, в зависимости от различных для тех или иных стран обстоятельств, могли вступать в различные классовые союзы, в которых одна часть эксплуататоров и эксплуатируемых нередко оказывалась по одну сторону баррикад, а другая — по другую. При этом в функционально капиталистических рамках эти некапиталистические по субстанции группы (земельная аристократия, крестьяне) могли таким образом проявлять свою небуржуазную субъектность (антисистемность), что не только не происходило исчезновения этих групп (например, крестьянства) в экономической и политической жизни общества, но и существенным образом модифицировалось развитие капиталистического уклада, развитие его политических форм. Даже классическая

⁶³ Eisenstadt S. Comparative analysis of state formation in historical context // ISSJ. 1980. Vol. 32, N 4. P. 637; *Idem*. European civilization in a comparative perspective. Oxford. 1987. Ch. 1, 2.

⁶⁴ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949; Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970; Wallerstein I. The modern world system. N. Y., 1974.

⁶⁵ Отсюда, в частности, появление вместе с классом капиталистов и бюрократии, стремящейся подчинить предметные характеристики способа производства функциональным, — но в результате исчезнет и сама система и бюрократ как ее элемент — на периферии капиталистической системы эту задачу функционально могут осуществить иные социальные группы, ни прошлое, ни будущее которых не имеет никакого отношения к бюрократии.

английская модель развития капитализма не укладывается в жесткие и узкие классовые (по содержанию) рамки. Исследователи даже считают ключом к новой английской истории различие между капитализмом и буржуазией и подчеркивают, что в силу определенных обстоятельств в Англии не возникло правящей капиталистической элиты и крупной буржуазии — они автоматически поглощались земельной аристократией, навязывавшей свои ценности (что нашло отражение в идеале джентльмена, не связанного с каким-либо конкретным классом⁶⁶). Это — Англия, а что же говорить о «запаздывавших» в капиталистическом развитии Германии, Франции, России? Здесь функционально капиталистические задачи решала не буржуазия, а иные по классовому содержанию слои, а классовые задачи — не столько классы, сколько институты (государство). Российские и польские помещики XVIII в., продававшие зерно за границу, выступали агентами капиталистического уклада в системе международных производственных отношений, оставаясь при этом по своей субстанции докапиталистическим (или в лучшем случае «паракапиталистическим») классом.

Во Франции XIX в. бонапартизм отразил такой вариант развития в рамках мировой капиталистической системы, в основе которого лежал классовый компромисс между значительной частью крестьянства и представителями той фракции буржуазии, которая представляла по сути доформационное состояние капитала (торговая и мануфактурная буржуазия). Связано это было со специфическим положением Франции XIX в. в мировой капиталистической системе⁶⁷.

Бонапартизм был одним из устойчивых результатов Великой французской революции, и уже этот результат заставляет задуматься о ее классовой (укладно-формационной) специфике. В ней участвовало несколько социальных групп, субъектов, причем буржуазия была далеко не самым активным участником. Показательно, что в то время как аристократически-интеллигентско-якобинский Париж стал колыбелью революции и цитаделью якобинизма, буржуазные города Лион, Амьен, Бордо и др. были антиякобинскими или даже роялистскими. Буржуазия выиграла от революции, но она была не единственной, кто выиграл. Если бы это было не так, то историческая потребность в бонапартизме не возникла бы. Кроме того, какая буржуазия и что выиграла? Пока не будет дан ясный ответ на этот вопрос, оценка французской революции как буржуазной — потому что от нее выиграла буржуа-

зия и она произошла в рамках мировой капиталистической системы — мало что прояснит, хотя и будет правильной в самом широком и упрощенном смысле, от которого всего полшага до экономического детерминизма и подгонки исторического процесса под сиюминутные политико-идеологические нужды⁶⁸. Необходим более четкий анализ процессов, происходящих в мировой капиталистической системе, с характерным для нее несовпадением предметного содержания и функций.

Есть, однако, еще более сложная и серьезная проблема. Выше я уже говорил о том, что европейский субъект постоянно раздвигает и взламывает системные рамки и что средством этого является революция. И здесь возникает вопрос: а можно ли вообще говорить о формационных, т. е. системных, характеристиках революционного взрыва, если по своей сути это антисистемное движение, спонтанный выброс субъектной энергии, не укладывающийся в логику ни предыдущей, ни последующей системы (между которыми революция выступает как фактор преемственности-разрыва — или разрыва-преемственности) и необъяснимый с помощью логики развития ни той, ни другой, — на то и революция, иначе ее можно было бы вывести и предсказать на основе экономической статистики.

VIII

Один из главных методологических пороков вульгарного марксизма, а также позитивизма и структурализма заключается в том, что законы развития общества рассматриваются их представителями независимо от человека, тогда как Маркс, например, исходил из роли человека как субъекта — творца истории. В этом смысле человек не только творит законы (системность), но и нарушает и разрушает их (ее), несистемно полагает саму систему. Правда, на месте старых законов и старой системности (формации) возникают новые, однако между ними, обособляя их друг от друга и в то же время соединяя через себя как противоположность, находится универсальная социальность как антисистемность, деятельный принцип существования, бытия которой — революция. В долгосрочной перспективе ее результаты, а через них и она сама — в практике и теории — будет узурпирована и утилизирована системообразующим классом. Но, во-первых (уровень практики), это происходит не сразу и даже системообразующий класс

⁶⁶ Wiener M. J. English culture and the decline of industrial spirit, 1850—1980. Cambridge, 1981. P. 8.

⁶⁷ Эта специфика исторически уникальна как с национальной, так и с миросистемной точки зрения, а потому перенос таких понятий, как «бонапартизм» (с приставкой «нео» или без оной — см., напр.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. Гл. 9, 10, написанные Н. А. Симоной), на современные страны Азии и Африки ошибочен не только с политэкономической, но и с исторической точки зрения.

⁶⁸ Кроме того, поскольку в рамках мировой капиталистической системы капиталистические (буржуазные) функции выполняют и небуржуазные по своей сути группы, борьба, например, городских низов и «радикальной интеллигенции» против земельной аристократии может иметь антибуржуазный характер, особенно если объектом классового сражения становятся функциональные, а не предметно-вещественные аспекты капитализма. Для антикапиталистического торжества, например, «бюрократии» над крестьянством не обязательно наличие (а затем свержение) капитализма, достаточно его функционального отрицания. В этом смысле многие социальные движения и революции в рамках мировой капиталистической системы имеют протосоциалистический потенциал.

вынужден считаться с этим, иначе он ничего не добьется; кроме того, к моменту революции такой класс, как правило, еще не успевает до конца выработать свою специфически системную субъектность, воплощающуюся в четких долгосрочных интересах. «Класс, совершающий революцию, — писали Маркс и Энгельс, — уже по одному тому, что он противостоит другому классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он фигурирует в виде всей массы общества в противовес единственному господствующему классу*». Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно еще связан более или менее с общим интересом всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса»⁶⁹.

Во-вторых (уровень теории), при том, что в долгосрочной перспективе результаты взрыва универсальной социальности присваиваются социальностью специфической, т. е. систематизируются и утилизируются ею, мы не вправе забывать — это было бы проявлением утилитаризма в науке — об универсально-социальном, антропологическом (в широком смысле) и спонтанном характере самого революционного взрыва. Эту диалектику необходимо учитывать, когда дается формационное определение той или иной революции. Не забывая о классовой перспективе, в то же время следует помнить, что индивид не игрушка в руках некой существующей помимо него истории и ее законов, такой точки зрения придерживаются те, кто пытается монополизировать право говорить от ее имени, «оседлав» законы. Иначе не только теряется верный взгляд на социальные процессы, но и оправдываются любые преступления.

Ну, а каково соотношение субъектности и системности в рамках самой революции? Революционный субъект стремится подчинить себе все остальные субъекты, так как исходит из того, что является

носителем общей истины и общих интересов. Как только он захватывает власть, это становится потенциалом для создания новой системности; противоречие между субъектностью и системностью интеръеризируется в субъекте и обостряется в нем, раскалывая революционные группы, партии и даже личности. Насколько это удастся революционному субъекту, зависит от степени дифференцированности общества, субъектного потенциала его элементов и ряда привходящих обстоятельств. Если эти факторы незначительны и революционный субъект не имеет для опоры сопротивляющегося субъектного же (а не системного, против которого он ведет борьбу) контрагента, то он может превратиться в свою противоположность.

В условиях Великой французской революции этот процесс имел специфику, ибо в этой революции борьба классов развивалась в уже обособившейся (в том числе благодаря — и в ходе — деятельности самих революционеров) сфере политики. В этом смысле Робеспьер завершает процесс отделения политики от прочих сфер — экономики, морали, религии, — у истоков которого стоит Макиавелли.

Революционный субъект Великой французской революции выступал поэтому как преимущественно субъект политический. Как заметил Ф. Фехер, в отличие от предшествующих революций — английской и американской, французская создала тип профессионального революционера-политика⁷⁰, персонифицировавшего окончательное обособление, причем революционным путем, политической сферы. Однако, выделившись в качестве таковой, политическая практика посредством субъектной активности приобрела тенденцию к подчинению других сфер общества — экономической, идеологической и т. д., и если бы этот процесс завершился успехом и охватом общества в целом, то она перестала бы быть политикой, а превратилась бы в иную форму власти. Быть может, в определенной степени этого не произошло благодаря силе французского крестьянства, которое ввиду хозяйственно-экономической специфике своего бытия было сильно и выступало носителем социальной целостности, нерасчлененности базиса и надстройки, экономики, политики и морали (Дж. Скотт назвал это «моральной экономикой» крестьянина⁷¹.) Чем прочнее позиции крестьянства, тем активнее оно способно противостоять давлению любой обособленной сферы социальной реальности — будь то политика (во время революции) или экономика (развитие капитализма в первой половине XIX в.). Якобинцы не могли опереться на крестьянство. В то же время в условиях доиндустриальной экономики, перед которой задача широкомасштабной индустриализации непосредственно не стояла, они не могли найти Молоха, принесение в жертву которому крестьянства можно было бы

* Понятка Маркса на полях: «(Всеобщность соответствует: 1) классу contra [против] сословие, 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии *общих* интересов. В начале эта иллюзия правдива. 5) Самообману идеологов (разрядка моя, это очень важное место. — А. Ф.) и разделению труда)».

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47. Прочитанная мысль Маркса очень важна вот в каком отношении. По сути, здесь подчеркнут субъектный, универсально-социальный характер революционных взрывов, возникновения революций. Это подтверждается и тем, что сначала революция происходит в том «элементе» производительных сил, который носит наиболее универсальный характер — в духовных производительных силах, т. е. в мировоззрении человека, в его уме, а затем уже «овеществляется». Это подчеркивали самые разные мыслители и политики: революция началась в мозгу монаха — так охарактеризовал Маркс Лютера и Реформацию. «Война? Она была лишь частью революции, лишь результатом и следствием ее. Революция произошла в умах людей... до того, как была пролита первая капля крови», — писал Джон Адамс Томасу Джефферсону (цит. по: Popkin S. Colonialism and the ideological origins of the vietnamese revolution // Journal of Asian studies. Ann Arbor, 1985. Vol. 44, N 2. P. 349).

⁷⁰ Feher F. The frozen revolution: An essay on jacobinism. Cambridge etc., 1987. P. 91.

⁷¹ Scott J. The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven; L., 1976. P. 3.

оправдать именем революции. Напротив, буржуазии — в лице менее радикально настроенных революционеров — удалось, благодаря такому союзу, блокировать якобинцев (это — помимо внутри-якобинских проблем).

Великая французская революция — в этом ее историческая специфика, явившаяся закономерным следствием развития всего субъектного потока вторичной макроформации, — и именно поэтому в ней следует искать корни современности — в краткосрочной перспективе продемонстрировала (и, что еще важнее, артикулировала) во взаимопереплетении весь возможный набор революционных форм XIX и XX вв. — буржуазной, антибуржуазной (протосоциалистической), крестьянской и даже национально-освободительной, т. е. периферийно-капиталистической⁷². (В этом смысле Великая французская революция — это своеобразное «воспоминание о будущем».) Одно и то же явление, если исходить из кратко- или долгосрочности исторической перспективы, угла зрения, целей исследования, инвариантности факта и наличия субъектно-системного противоречия в социальной реальности, можно трактовать по-разному, и каждая интерпретация будет отражать какой-то аспект реальности — и исторической истины.

IX

Осмысление такого процесса, как революция, — сложная задача. Однако в любом случае необходимо учитывать следующее. Нетождественность с системой есть принцип и способ бытия человека как субъекта, и он должен соблюдаться в познании социальных явлений, ибо ни одна форма социальной реальности, творимая субъектом, не сводится к отражающей ее теоретической системе и не существует независимо от ее творца; быть может, исходя из этого нам следует переосмыслить и переписать историю человечества и особенно последних ее трех-четырёх столетий?

⁷² Поскольку — и это показал Хобсбоум — минимально-необходимый прибавочный продукт был достаточно большим по сравнению с возможностями мирового рынка и в последнем имелось только одно вакантное место, то развитие Англии требовало экономической слабости других стран. С этой точки зрения французская революция в своем логически-внешнем проявлении — наполеоновских войнах — представляет собой периферийно-буржуазную революцию (см.: *Hobsbaum E. J. Industry and empire: The making of modern English society. N. Y., 1986. Vol. 2. P. 49*).

Тематически связанные ссылки:

Э.Лабрусс. Как французская революция блестяще объясняет и оправдывает героическую историю русской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/labrousse_fe-71.pdf

А.Гордон. Великая французская революция как великое историческое событие
<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon3.pdf>

Маркс, марксизм, советские историки и история Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94081604.htm>

В.Согрин. Революция и термидор: к исторической типологии общественно-политического процесса в России 90-х годов
http://vive-liberta.narod.ru/journal/sogrin_thermidor.pdf

В.Смирнов. Образ французской революции в пост-советской историографии
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/smirnov.pdf>